

Диана
Зотова

ЯИФАТИЕ
ПЕГО

18+

Диана Зотова
Эпитафия Пего

«Автор»

2026

Зотова Д.

Эпитафия Пего / Д. Зотова — «Автор», 2026

Дмитрий Пегасин, известный как Пего, — один из тринадцати наследников криминального мира, без совести и страха. Его смех громче выстрелов, шутки смертельны, а жизнь — бесконечная игра без правил. Светлана Грובהва — фарфоровая кукла с дрожащим голосом. Она заикается от страха и отдана Дмитрию в брак ради сделки. Он не верит в добро, она боится зла. Но что, если хрупкость может сломать броню жестокости, а молчание заставит услышать то, что годами было погребено под смехом? Или одно зло может победить вечный страх?#Добро пожаловать в мир Пего#!#Атмосфера готики#Опасный герой#Сильная героиня#Злая шутка судьбы#Спасение друг друга

© Зотова Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Диана Зотова

Эпитафия Пего

Глава 1

Улыбка — обещающая хаос

Он ненавидел утро.

Утро воняло хлоркой, дешевым кофе и ложью, которая в его мире была как кислород, что не замечаешь, пока не начнёшь задыхаться. А он давно научился дышать этой ложью. Ибо уже полностью ею пропитался.

За окном образовалась унылая картина этого мира, где был серый и мокрый после дождя асфальт. На нем в лужах, словно в кривых зеркалах, отражались неоновые вывески: «Бар Туман», «Ремонт обуви», «Аптека 24 часа». Последняя вывеска была явно для тех, кто не дотянет до утра. И он знал пару таких людей. И точно знал, кто им не дал дотянуть.

Это был он.

На столе перед ним лежала толстая, покрытая искусственной кожей. Она была с монограммой «П» на обложке, ведь его отец обожал символы, потому что верил, что буквы на коже — это сама линия судьбы. Пего же верил только в сталь и в тот тонкий звук, с которым она входит в живую плоть.

Вкусно. Красиво.

Он открыл папку, внутри которой находились фотографии лиц, их имена, а еще суммы их долгов. Среди них был первым старик с явно трясущимися руками, который задолжал восемьсот тысяч. Сказано, как клянётся, что болен. А его дочь является студенткой, обучаясь на врача.

Пего резко улыбнулся.

А там уж сухой смех вырвался сам с этими самыми нотками презрения, будто выстрел в тишине. Он смеялся, потому что это действительно было смешно. Мир — огромная шутка, а люди в нём — жалкие марионетки. Ктото дёргает за нитки, ктото — перерезает их.

Он всегда предпочитал второе. Ведь сам обожал срезать эти линии.

— Пего, — в дверь постучал Лик, его «правая рука» и единственный человек, которого он терпел дольше пяти минут. — Машина готова и ждет тебя у входа. И там ещё это Отец звонил и сказал, чтобы ты приехал к нему сегодня.

Пего с улыбкой захлопнул папку. Эта улыбка так и не сошла с лица, потому что давно уже застыла как маска, которая пугала и притягивала одновременно. От неё у любого по спине рассыпались ледяные мурашки, ведь она внушала ужас.

— Какая прелесть! Папка по сыну заскучал, — бросил он с издёвкой. — Передай, что я буду. Как раз хотел обсудить с ним пару семейных шуток.

Лик кивнул и поспешил отвести взгляд. Все без исключений так делали, ибо знали: когда Пего смеётся, нужно ждать беды. Потому что его смех не предвещал ничего хорошего никому. Все знали, что за ним всегда следует что-то острое, мокрое и очень, очень ужасное.

Он надел пиджак и, подмигнув своему отражению в зеркале, что пугало своей ухмылкой и ярким блеском в глазах, направился к выходу из своего штаба.

Долго он размышлял, где разместить эту вот цитадель своих тёмных дел, когда отец настаивал на офисе в центре города с панорамными окнами с видом на парк — чтобы «занять своё место под солнцем», чёрт бы его побрал! Пего вспомнил, как тогда расхохотался громко,

от всей души. Да так, что стёкла задрожали, а кто-то в соседнем помещении наверняка перекрестился. И пошёл наперекор всем отцовским ожиданиям.

Потому и штаб Пего базировался на складе в промышленной зоне, где из света были лишь неоновые вывески заброшенных цехов, которые мерцали, как гнилушки в лесу, бросая призрачные отблески на ржавые стены. Фонарей тут не было — да и зачем? Он сам был источником света. Ибо его харизма, будь она неладна, и так освещала всё на сотню метров вокруг. Пего был ярче любой лампы и опаснее любого прожектора.

Пего спустился по лестнице со второго этажа, лениво придерживая пиджак, бросая пристальный и холодный взгляд на своих людей, которые уже распаковывали ящики с границы. Потому глухо доносился звук вскрытия коробок, как рвался скотч и как кто-то тихо матерился, когда очередной ящик чуть не упал на ногу.

Каждый мужчина заметил его появление и коротко кивал ему вслед с осторожностью, почти незаметно, будто боялся привлечь лишнее внимание. Уважение из страха — вот что Пего видел в их глазах. Впрочем, этого он добивался всю жизнь, ведь по-другому он уже не умел. Да и не хотел. Пего считал страх лучшей валютой, потому что он не обесценивается, не подделывается и всегда на пике необходимости.

Он вышел на улицу, где дождь закончился, но воздух всё ещё пах старой, чуть засохшей кровью. Она тут была повсюду: въелась в асфальт, впиталась в стены, а еще текла в его же венах. Этот запах — его фирменный парфюм, метка территории и предупреждение всем, кто рискнёт вдруг сунуться в его владения.

Если нити судеб и перерезались, то только здесь, на его локации. Сюда даже ненужные человечеству органы не суются — знают, что место проклятое. А почему? Да потому что боятся. Кого? Его. Пего любил балагурить на этой планете: мир пошатнуть, людей припугнуть. Пускай трепещут. Пускай знают, кто тут главный шутник — и кто пишет финальные строчки в их историях.

Он веселился. И пусть весь мир крутится вокруг его чёрной шутки — пока кто-нибудь не попытается её испортить. Тогда он научит по-своему понимать его иронию.

Пего сел в машину. Водитель молчал. Музыка не включал. Умный парнишка. Молодой совсем — кожа гладкая, взгляд ещё не замутнён кровью и цинизмом.

— Куда? — спросил водитель, глядя в зеркало.

Пего прищурил один глаз, изучая его в отражении.

— Сколько лет? — бросил он.

— Девятнадцать, — кивнул водитель.

Бровь Пего поползла вверх от удивления. Он заметил, как венка на шее парня пульсирует — бешено, судорожно, будто пытается вырваться наружу. Сердце скачет, ладони наверняка вспотели. Его боятся.

Какая приятность!

— Что заставило на меня работать? — цокнул Пего и улыбнулся, взглянув в окно. За стеклом раскинулся его мир с серыми складами и ржавыми трубами. Это была его территория, превращённая им в личный театр жестокости и иронии.

— Мать раком больна. Вторая стадия, — ответил парень с дрожанием в голосе. Слова давались ему тяжело, будто он глотал острые и колючие осколки, которые разрывали горло изнутри.

— Мааать, — протянул Пего, а потом вдруг резко подался вперёд и почти коснулся губами уха водителя. — Если восемь миллионов тебе сейчас выложу, обязанности оставишь? — прошипел он с весельем на лице, вцепившись в спинку водительского сидения так, что пальцы его уже белели.

Он видел, как парнишка на глазах бледнеет, ведь его лицо становится белым, как бумага, на которой Пего часто писал смертные приговоры. Венка на шее уже не просто пульсировала,

а набухла, словно вот-вот лопнет и раскрасит весь этот люксовый кожаный бежевый салон своими алыми брызгами.

Пего считал это забавным зрелищем и с огромным удовольствием на такое посмотрел. Именно на этот взрыв цвета в монохромном мире, на мгновенную смену палитры: от бежевого сразу к кроваво-красному.

— Нет, Пего. Я верен тебе. Ты, возможно, меня не узнал, но я тебя помню. Мне было семь лет тогда, когда ты меня спас. Отца во дворе убили у нашего дома. И меня резать шли. Но ты появился

— Не продолжай, — цокнул Пего, резко отстранился и вернулся на место, с размаху падая спиной на спинку сидения.

Откинулся на подголовник, закрыл глаза. И картинка всплыла, будто по заказу — яркая, чёткая, пропитанная яростью и адреналином

Мальчишка и правда на коленях стоял, слёзы лил, глядя на тело своего отца. Даже не смотрел на то, как его убийца уже замахивается и на него. Пего в тот момент подросел не вовремя — его человек уже лежал без движения, а сын вот-вот должен был последовать за ним.

Сколько ему тогда было? А, шестнадцать всего!

И как же он был зол! Ярость кипела внутри, как лава в жерле вулкана, рвалась наружу, искала выход. Во второй год его правления убили его человека, порешав, как свинью. Потому Пего и ответил врагу смешнее и эпичнее!

Он помнил, как мальчишка, замерев и не дыша, смотрел, как нож Пего поёт, входя в кожу. Как клинок звенит, разрезая воздух, как кровь брызжет на асфальт. А Пего смеялся — громко, раскатисто, впитывая эти незабываемые ощущения до последней капли: дрожь жертвы, металлический запах железа, восторг абсолютной власти. В тот момент он почувствовал себя богом — творцом судеб, распорядителем жизней. И это чувство опьяняло сильнее любого дурмана.

— Кличку дали? — спросил Пего с ухмылкой и подмигнул парню в зеркале заднего вида.

— Да, — кивнул тот.

— Назови.

— Мел, — неуверенно произнёс водитель, а там уж сглотнул, и его пальцы на руле чуть подрагивали, выдавая слишком сильное внутреннее напряжение.

— Мельников? И малец? — расхохотался Пего, откинувшись на спинку сиденья. — Дай угадаю, кличку Лик выдал?

— Он, — ответив, улыбнулся парнишка.

В этой улыбке мешалось что-то детское, наивное и уже выученное, въевшееся в подкорку Пего распознавать: страх, осторожность, привычка держать язык за зубами.

— Так куда путь держим? — уточнил Мел, стараясь говорить уже ровно.

— Туда, где весело, — ответил Пего, растягивая губы в широкой и совсем недоброй улыбке, от которой у любого здравомыслящего человека по спине пробежал бы холодок. — И где будет ещё веселее. Для меня, по крайней мере.

Мотор зарычал, будто вторя мрачному настроению своего хозяина. А там уж город плыл за окном, что был грязный и пропитанный потом, кровью, с вывесками, мерцающими, как гнилушки в тёмном лесу. И силуэты людей шарахались в стороны, едва заметив его машину: кто-то поспешно отворачивался, кто-то переходил на другую сторону улицы, а кто-то застыл на месте, будто парализованный страхом.

Пего снова громко и раскатисто, с хрипотцой рассмеялся, отчего у Мела кровь стыла в жилах. И он, выдохнув резко, нервно, но крепко сжал руль.

«Привыкнет, — подумал Пего, разглядывая водителя с холодной насмешкой. — Либо научится держать лицо, либо»

В ином случае его бы тогда ждала смерть, ведь Пего не терпел слабости. Он всегда, насколько себя помнил, слабых уничтожал. Это был закон его мира, незыблемый, как гравитация.

День его, впрочем, редко радовал разнообразием — распорядок был скучен и до тошноты рутинный. Ибо за сутки он посещал всего три точки города.

Первая — главная база их дела, располагавшаяся в центре, в правлении отца. Стекло-лианный небоскрёб с видом на парк, где всё блестело и сияло, будто на глянцевой открытке. Там сидели люди в дорогих костюмах и делали вид, что управляют миром. Отец обожал эту мишуру: глянец, лоск и роскошную видимость власти. Пего же презирал всё это. Но ходил туда, потому что было необходимо.

Вторая точка — место обитания акул бизнеса и криминальных сливок общества, а именно закрытый клуб. Он был создан каким-то чудачком, который умудрился собрать под одной крышей обе стороны власти: и криминал, и тех, кто законы пишет. Политики, бизнесмены, бандиты — все теснились в золотой клетке, где шампанское лилось рекой, а сделки заключались шёпотом, за закрытыми дверями.

Всё было подвязано.

И у них здесь было так: нити сплетены в одну сеть. И Пего знал, где какие узлы затянуты, как и знал, кто кому должен, кто кого боится, а еще кто готов предать в любой момент.

И как бы это место ни бесило его — с его фальшивым блеском, лицемерными улыбками и ядовитой атмосферой, — ему приходилось там появляться. Держать руку на пульсе ради дела и своих людей. Даже с тем, как бы всё это его ни раздражало и как бы ни хотелось разнести этот фальшивый мирок в клочья.

Третья точка его «весёлого» дня и «насыщенного яркими красками» маршрута — штаб. Место, где Пего завершал этот день и с него же начинал следующий.

Весело! Обхохочешься

Машина вывернула в поворот, ведущий к главной базе, и в этот момент у Мела зазвонил телефон. Резкий, пронзительный сигнал разорвал тишину салона, заставив Пего невольно скривиться. А потом раздался голос его отца — усиленный динамиками, который заполнил всё пространство автомобиля, будто старик вдруг оказался рядом:

— Здравствуй, Дмитрий.

Пего закатил глаза, услышав это имя, и хмыкнул, уставившись в окно. За стеклом которого мелькали серые здания, как мечты тех, кто ещё верит в справедливость. Он ответил единственному родителю, стараясь вложить в голос максимум сарказма:

— И тебе не хворать, отец.

— Планы изменились. Ты должен срочно в клубе быть. Я уже туда выдвигаюсь. Встретимся там, сын.

Последнее слово заставило Пего сморщиться, будто от кислого лимона. «Сын». Как будто старик и правда видел в нём наследника, а не инструмент для своих грязных дел. Он лишь кивнул Мелу, и тот в ту же секунду сменил маршрут, резко вывернул руль. Машина заскользила по мокрому асфальту, а потом уверенно взяла новый курс. Мел сбросил звонок и бросил на Пего короткий взгляд в зеркало.

— Что за клуб? — спросил он. — Тот самый

— Нет, — усмехнулся Пего, откинувшись на спинку сиденья. — Этот клуб совершенно другой, и я в нём был всего-то пару раз. Вот, кажется, сегодня будет мой третий. — Он улыбнулся, и улыбка вышла острой, как лезвие, — с намёком на грядущие неприятности.

— Адрес? — Мел сглотнул, но голос не дрогнул.

«Молодец, учится», — мелькнуло в голове у Пего.

— Двигай за город, Мел. Там потом через лес поедem, — подмигнул он водителю и расплылся в безумной улыбке, уже предвкушая то, что увидит.

Он бывал там дважды и до сих пор не мог забыть это место, где маски срывали, а лица искажались в криках. Где деньги решали не всё, а страх был не последней валютой. Где Пего чувствовал себя живым.

Потому что ему там очень нравилось шалить.

В первый раз он устроил небольшой переполох, чтобы просто посмотреть, как быстро люди забывают о своём лоске, когда пахнет жареным. Во второй раз показал, кто здесь главный шутник, оставив после себя пару незабываемых «сюрпризов»: один — в виде сломанного носа местного авторитета, другой — в виде пары красноречивых посланий на стенах.

И сегодня он тоже побалагурит на славу, потому что Пего предвкушал это, как хищник, почуявший запах добычи. Представлял, как вытянутся лица, когда он войдёт, и как занервничают те, кто считает себя неприкасаемым. Как задрожат руки у тех, кто привык держать всех на крючке.

В его воображении уже рисовались картины: кто-то побелеет, кто-то начнёт заикаться, кто-то судорожно потянется к оружию и тут же отдернет руку, вспомнив, с кем имеет дело.

«О, будет весело», — подумал Пего, и его губы снова тронула та самая хищно опасная и обещающая хаос улыбка.

Глава 2

Тринадцатый наследник

Пего облизнул губы — медленно, с предвкушением, — пока грубые руки охранников перед входом в клуб бесцеремонно шарили по его телу, проверяя на наличие, вероятно, бомбы. Оружие у Мела за поясницей они почему-то не тронули. Но самого Пего облапали от макушки до пят.

«Ну что ж, — подумал он, — шутки я им последним расскажу. А первыми услышать их они не заслужили — слишком тупы для моего тонкого юмора».

Он подмигнул громиле, который только что закончил его ощупывать. Тот скривился, уставившись в его глаза — разные, пугающие, гипнотизирующие. Пего не сдержался и расхохотался — громко, раскатисто и с хрипотцой.

Вошёл он, как всегда, эффектно — с высоко поднятой головой, расправив плечи, словно король, вступающий на трон. Каждое его движение, каждый шаг излучали такую мощную харизму, что воздух вокруг него будто сгущался. Мел плелся следом — бледный, напряжённый, но старающийся не подавать виду.

«Так себе затея — окунать мальчика в жуть с первого дня, — мелькнуло в голове у Пего. — Но вдруг выдержит? А если нет? Что ж, пулю я ему пушу сам. Без труда, без сожалений».

Однако, шагая вперёд, он вдруг осознал: если придётся убить Мела, он даже не улыбнётся. Это настораживало. Пего нахмурился, пытаясь понять, откуда взялось это странное чувство. Но быстро отмахнулся от него.

Клуб встретил его атмосферой гнилой роскоши. Бордовые бархатные шторы висели повсюду — ими можно было задушить десяток человек, и никто бы не заметил. Они разделяли группы людей, создавая иллюзию приватности. Огромные деревянные столы с зелёным сукном казино, за которыми восседала самая разная мерзость: жирные воротилы с золотыми цепями, бледные банкиры с бегающими глазками, бандиты с каменными лицами.

Все взгляды тут же обратились к нему. Пего шёл вперёд, широко улыбаясь, явно наслаждаясь тем, как все эти «зенки» приклеились к нему. Он чувствовал их страх, их напряжение, их попытки угадать, что он выкинет в следующий момент.

— О, как мило, — пробормотал он себе под нос. — Все так рады меня видеть. Прямо семья.

Его улыбка стала ещё шире, ещё острее. Он знал: сегодня здесь будет весело. По-чёрному. И кто-то обязательно заплатит за это весельем своей кровью.

Один из бандитов нервно дёрнул галстук, будто тот душил его. Пего заметил это и подмигнул ему. Тот побледнел.

Что это значило? А то, что о Пего знал каждый здесь присутствующий — и явно его опасался.

И правильно! Пего для каждого был опасен — от этого он чувствовал себя прекрасно, словно вампир, упивающийся чужим страхом. Каждая капля напряжения в воздухе подпитывала его, давала заряд энергии, будила азарт.

Шаг за шагом. И вот уже главный зал перед глазами. Пальцы Пего небрежно дёрнули лацканы чёрного пиджака, распахивая грудь — демонстративно, вызывающе, будто бросая вызов всему залу.

Он остановился, когда они с Мелом вошли в мраморный зал с огромным каменным столом. Вокруг воцарилась мёртвая тишина — будто кто-то выключил звук в этом мире. За сто-

лом сидели крупные фигуры криминального мира: тяжеловесы с каменными лицами, акулы бизнеса, привыкшие рвать глотки ради прибыли.

Пего обвёл всех ехидным прищуром, смакуя каждую реакцию: кто-то закатывал глаза от презрения, кто-то судорожно сглатывал, пытаясь удержать подступающий страх, а один лишь тупо улыбался ему.

Это был отец Пего.

— Дмитрий! Займи место рядом, — кивнул отец на пустой стул, и его голос прозвучал неестественно ровно, почти дружелюбно.

Бровь Пего невольно взметнулась вверх — он не понимал, к чему вдруг эта вежливость. От одного звука своего настоящего имени внутри всё перевернулось. Слышать это было мерзко, противно, будто кто-то провёл ногтями по стеклу.

Но выбора не было. Приходилось занять это место — сесть рядом с человеком, от которого фонило лицемерием за километр. Отец улыбался — улыбка у него была идеально выкроена под улыбку Пего: такая же безумная, пугающая, пропитанная скрытой жестокостью.

Пего едва заметно приподнял уголок рта, заметив в рыжей шевелюре отца редкие седые волоски у виска. Их было немного, но каждый новый радовал его до дрожи.

«Близок к старости, — подумал он с мрачным удовлетворением. — Близок к могиле. побыстрее бы!»

Пока отец вещал о каком-то чрезвычайном обстоятельстве, которое нужно было решить в кратчайшие сроки, Пего не переставал выискивать новые седые волоски. Сейчас это было куда интереснее, чем слушать его напыщенные речи. Он разглядывал отца, как коллекционер — редкий экспонат, отмечая каждую морщинку, каждую тень усталости на лице.

Отец вдруг посмотрел на него, брови сошлись к переносице — он не понимал, почему сын так пристально его изучает. В его взгляде читалось недоумение, едва уловимая тревога.

Пего улыбнулся — широко, хищно, — и подмигнул, откинувшись на спинку стула.

— Слушаю внимательно, отец, — произнёс он с издёвкой, растягивая слова. — Продолжай. Очень интересно!

В зале повисла тяжёлая пауза. Кто-то из присутствующих нервно поёрзал на стуле, кто-то сглотнул.

Пего взглядом, острым как бритва, порезал всех, кто смотрел на него — с разочарованием, страхом или ненавистью. Он-то знал: в глубине души это отвращение. И что с того?

Это было даже забавно. Пего выделялся — и прекрасно это осознавал. Его внешность искрила, била по нервам, заставляла сердце биться чаще — то ли от ужаса, то ли от странного, почти болезненного восхищения.

Рыжие волосы, больше похожие на пламя, чем на обычный волосной покров, полыхали даже в тусклом свете клуба. Разные глаза — один зелёный, другой голубой — словно два окна в разные миры: один холодный и расчётливый, другой — безумный, пылающий жадой игры. А улыбка О, эта улыбка. Она была похожа на отцовскую — но в сто раз безумнее, опаснее, притягательнее. В ней читалась чистая, незамутнённая жестокость — и какая-то дьявольская харизма.

Отец продолжал вещать — монотонно, важно, будто его слова решали судьбы мира. Пего метнул взгляд на Мела. Малец стоял рядом с другими охранниками и действительно выделялся: юный, хрупкий, почти невинный на фоне этих громил.

Какая прелестная картина!

Скрещённые руки у паховой области, наушники в ушах, чёрные костюмы — всё как под копирку. А Мел Мел был в прямом смысле мелким. И это так смешило Пего, что он едва не расхохотался в голос. Непохожесть мальчишки, его наивная стойкость — всё это вызывало странное, почти нежное любопытство.

«Ладно, — подумал Пего. — Убит он не будет».

Ему нравилось это отличие. Нравилось, что Мел не отводит взгляд, держится стойко, даже не дрожит.

Занимательно И как же притягательно!

Но голос отца, вламывающийся в уши, как набат, раздражал невыносимо. Как бы ни хотелось продолжать улыбаться, Пего состряпал на лице кислую мину.

Он решил сосредоточиться на чёмто другом и принялся пристально разглядывать профиль сидящего рядом человека. Тот начал заметно нервничать: косился на Пего украдкой, вздрагивал, когда тот наклонялся ближе.

— Ты фонишь страхом, — прошептал Пего у самого уха соседа, вдыхая запах его пота и тревоги. — Чувствую, как он сочится из каждой поры.

Мужчина попытался выдохнуть, но только ещё больше напрягся. Гортань дёрнулась — он сглотнул комок страха, застрявший в горле.

Это так позабавило Пего, что он не удержался и добил его правдой — с улыбкой, от которой кровь стыла в жилах:

— Хочешь, убью тебя? Это явно поможет тебе перестать так трястись. Прямо сейчас — бац! — и никаких больше нервов.

— Отвали от меня, сука! — зашипел мужчина резко, срывающимся голосом.

Пего откинулся на спинку стула и расхохотался — громко, раскатисто, с хрипотцой, от которой по залу пробежала волна мурашек. Он наслаждался каждой секундой: страхом в глазах мужчины, напряжением в воздухе, тем, как все вокруг невольно замерли, прислушиваясь к этой опасной игре.

В эту же секунду Пего театрально вскинул ладони вверх — будто сдавался, хотя в глазах плясали дьявольские искры. Охранник напротив наставил на него пушку, а в следующий миг Мел, этот щуплый малец, уже целился в того, кто угрожал Пего.

— Хахаха! — расхохотался Пего, запрокинув голову. — Теперь куда веселее стало! Прямо цирк, только без слонов. Жаль, попкорна нет.

— Дмитрий! — окликнул отец, голос звучал жёстко, как удар хлыста.

Пего продолжал держать ладони на весу — чисто для антуража, — пожал плечами и бросил взгляд на отца. Потом, растягивая слова с издёвкой, выдал:

— Так мерзопакостно скучно слушать здешнее нытьё, что не удержался. Хочу фактов, а не воды! Все мы тут знаем о наших сущих проблемах — так глаголь, что делать нужно, а не лясы точи, — цокнул он языком, будто разговаривал с несмышлёным ребёнком.

— Выражение подбирай, — зарычал отец, и вены на его шее вздулись от злости.

— Прости! — Пего театрально прикрыл рот рукой, широко распахнув глаза в притворном раскаянии. — Чушь сморозил, папка!

— Твой недоношенный прав, Павел. Переходи уж к сути, — подал голос Эдуард, сидевший на противоположной стороне стола. Так далеко, что Пего пришлось прищуриться, чтобы разглядеть его физиономию.

— Кто такой недоношенный? — сморщился Пего, изображая крайнее недоумение.

— Это ты, — закатил глаза Эдуард, явно уставший от этой игры.

— Я? — Пего схватился за сердце с таким видом, будто его смертельно ранили. — О, как больно! Прямо в самое сердце, Эдик. Ты безжалостен!

Он нагнулся к брюнету и прошептал, почти касаясь его уха:

— Прости, малыш. Первую строчку хит-парада занял Эдик. Но не переживай! Я тебя вторым грохну — чтобы не обидно было.

— Ты достал, — прошипел мужчина, сжимая кулаки.

— Ещё даже не дотянулся! — цокнул Пего и откинулся на спинку стула с видом победителя.

Подмигнул отцу — тот смотрел на сына пристально, дыша часто, будто внутри бушевал шторм ярости. Злоба клокотала в груди, готовая вырваться наружу. Пего наслаждался этим зрелищем — он обожал выводить людей из себя.

Отец медленно втянул воздух через нос, будто пытался унять бурю внутри, и наконец произнёс:

— Дмитрий вступит в брак.

Тут у Пего буквально глаза на лоб полезли, а челюсть отвисла — на мгновение он даже потерял свою фирменную маску циничного весельчака.

— Шутишь? — прищурился он на отца, пытаясь уловить хоть намёк на шутку в его лице. Но там была лишь холодная решимость.

— Шутки кончились, сын. Ты вступишь в брак с дочерью владельца порта. Гробов хочет гарантий. Брак даёт гарантию, что данная афера будет поровну разделена и никто один из неё сухим не выйдет.

— Сам бракосочетайся! В четвёртый раз — как первый раз, говорят, знаешь? — морщится Пего, бросая на отца яростный взгляд, в котором плещется чистая, незамутнённая ненависть.

— Я стар, — спокойно отвечает отец.

— Я молод, — пожимает плечами Пего, растягивая губы в кривой усмешке.

— Да. Потому ты — отличный вариант. Тем более это условие Грובה.

— Да чхал я на его условия! И на этот брак, — цокнул Пего. — Пусть всё к чёрту летит, вместе с Эдиком! — фыркнул он, демонстративно отворачиваясь.

— Коней своего сына останови, Павел. Иначе он отсюда в этот раз точно живым не выйдет, — говорит ровным тоном Эдуард, разглядывая бокал в своей руке.

— Угрожаешь мне? Какая прелесть! — улыбнулся Пего, и в глазах его вспыхнул опасный огонёк предвкушения расправы. — Я уже слышу, как ты визжишь, словно поросёнок, пока я тебе грудную клетку разрываю. Медленно. С наслаждением!

— Кто за то, чтобы Дмитрий вступил в брак? — вдруг громогласно произносит отец Пего, ударив ладонью по столу.

Пего начинает дрожать от ярости. Он сжимает кулаки так, что костяшки белеют. Взгляд мечется по залу — и он видит, как весь стол, а именно тринадцать мужчин, поднимают руки вверх. Каждого Пего запомнил. И каждому уже мысленно подготовил свою «шутку» — изощрённую, жестокую, незабываемую.

— Единогласно! — хмыкнул отец, явно довольный результатом.

— До-ржался, шизанутый? — усмехнулся брюнет, сидящий рядом, наклонившись к уху Пего.

Терпение лопнуло.

Пего, не сдерживая злости, яростно посмотрел отцу в глаза, схватил мужика, сидящего рядом, за галстук и со всей силы резко дёрнул вниз. Так, что тот с глухим стуком рухнул лицом в каменный стол.

— Убился! — прошипел Пего.

— Тварь! — провизжал мужик.

— Сама такая, — прошипел Пего в ответ и кивнул Мелу.

Мел понял без слов. В ту же секунду он выпустил пулю прямо в висок громилы, который уже намеревался пустить пулю в Пего. Звук выстрела резанул по нервам, но Пего только усмехнулся.

Пего поднялся с места и, склонившись к макушке отца — встав позади него, — прошипел:

— Всегда был инструментом гадости для тебя. А теперь решил сделать инструментом мерзости? Знаешь, я так повеселюсь с его дочуркой, что потом все здесь сидящие будут молить

меня развестись! И да, папаша, придёт время — и мой нож пронзит твою миллиметровую точку, которую ты считаешь огромным сердечком. Прямо в центр!

— Слышала бы тебя мать

— Слышит! — повышает Пего голос, и в нём звучит столько боли и ярости, что даже самые хладнокровные вздрогнули. — И только изза тебя она сказать ничего в ответ не сможет!

Он подходит к Мелу, выхватывает у него оружие и с широкой, безумной улыбкой выпускает пули по охранникам — методично, расчётливо. Одна за другой «кегли» падают на пол. Пего смеётся — громко и раскатисто, явно наслаждаясь.

Развернувшись к застывшей публике за каменным столом, он кланяется с фирменной улыбкой — острой, пугающей, завораживающей:

— Каждого грохну! — чеканит он.

Кивает Мелу на выход и идёт вперёд, яростно растягивая ворот рубашки. В голове бьётся одна мысль: «Я вступлю в брак. Чтобы Гробов оказался в моих руках. А каждому, кто поднял сейчас руку, я уготовил самые изошрённые шутки. Ибо не на того они это взвесили. Не на того!»

Пего садится в машину. Мел сразу же выжимает газ. По приказу набирает Лика.

— Слушаю, Мел?

— Лик! Дружище! — хохочет Пего на весь салон автомобиля, его смех отдаётся эхом в ушах Мела. — Собирай информацию на всю компашку отца! Живо!

— Что произошло? — настороженно спрашивает Лик.

— Я женюсь! — рычит Пего. — А ещё я убью каждого из них! По одному. Медленно. Чтобы запомнили.

Машина рвёт с места, оставляя позади клубы пыли и запах пороха. Пего откидывается на сиденье, закрывает глаза и улыбается, предвкушая скорые забавные представления.

Глава 3

Казус

Пего сидел в своём кабинете, выпуская клубы дыма в атмосферу — дым вился, как змеи. Он смотрел на Мела и Лика, и в его разных глазах — зелёном и голубом — ощутимо плясали дьявольские искры.

Мел чувствовал себя неуютно — это было написано на его лице крупными буквами. Он хмурился, нервно тербил край рубашки, пытался уловить хоть намёк на то, что происходит. Его присутствие здесь — чистая прихоть Пего. Так захотел он.

Почему? Да кто его разберёт. В этом и была вся суть: Пего делал то, что хотел, когда хотел и как хотел.

Лик, в отличие от Мела, не удивлялся. Он давно привык к своему боссу — можно даже сказать, считал Пего лучшим другом. Лик был рядом с ним с самого начала, где видел его взлёты и падения, выучил все повадки, изучил каждую грань его безумной натуры. Привык к этой опасной харизме, к этой пугающей вседозволенности. И к этой чистой, незамутнённой жестокости.

Пего поставил бутылку шотландского на стол с громким стуком — будто выстрел прозвучал в тишине кабинета. Он выдохнул. А Лик невольно поморщился, ведь ему никогда не нравилось, что Пего усугубляет свою и без того губительную натуру крепким пойлом. Но кто он такой, чтобы спорить с Пего?

Заметив осуждающий взгляд Лика, Пего только улыбнулся — широко, хищно, с намёком на что-то страшное. И подмигнул своему другу.

Мел всё так же не понимал, почему он, простой водитель Пего, сейчас сидит в этом кабинете, где решаются вопросы, которые его касаться не должны. Но ему было до жути интересно — это читалось в его широко раскрытых глазах, в подрагивающих пальцах, а еще в учащённом дыхании.

— Что ты с ними сделаешь? — спросил Лик с придыханием, откидываясь на спинку кресла. В его голосе звучало и любопытство, и лёгкий страх — смесь, которую Пего обожал.

Пего взглянул на друга и прищурился. Только сейчас он заметил пылинку на тёмных волосах Лика. Она его начала раздражать. Ведь на Лике не должно быть ничего лишнего. Даже этой чёртовой пылинки. Пего протянул руку и стёр её одним резким движением.

— Нити им перережу. Каждому! — выдохнул он злостно, и в голосе прозвучала чистая, незамутнённая угроза.

Он открыл папку, которую собрал для него Лик, и принялся читать информацию о тринадцати мужчинах, где один из них был его отец. Пальцы скользили по страницам, а в голове уже выстраивался план расправы. Пего предвкушал это — с той особой жадой, которая будила в нём азарт и заставляла сердце биться медленнее.

Он помнил лицо каждого, кто поднял сегодня руку, голосуя за его брак. В их глазах играло веселье, а ему самому было совсем не радостно. Если он не смеётся — значит, не жить тем, кто смеётся! Это было его негласным правилом и его законом.

— Глупая затея. Импульсивная. Хочешь остаться у правления один? Ты не выдержишь, — цокнул Лик и втянул воздух через нос, бросив взгляд на Мела напротив себя. В его глазах читалась усталость — он уже тысячу раз видел, к чему приводят вспышки ярости Пего.

— Мелкого вот посажу за место Эдика, — подмигнул Пего парню, и в его разных глазах — зелёном и голубом — вспыхнули огни безумия. — Да и найду я, кем их заменить. Деловто?

— хмыкнул он и швырнул папку в сторону — та с глухим стуком упала на пол, рассыпав бумаги.

— Гнилая идея. У нас нет никого, кто сможет такую мощь в руках без каких-либо казусов держать, — скучаяще наклонил голову Лик, пристально глядя на Пего. Он знал: когда Пего начинает так размахивать планами, значит, скоро начнётся хаос.

— Казус — это каждый, кто проголосовал за этот брак! — рыкнул Пего и сделал большой глоток из стеклянной бутылки. Алкоголь обжёг горло, но разжёл огонь внутри.

Лик закатил глаза, заметив, что ещё один глоток исчез из бутылки. Это означало одно: скоро плохо будет всем. Особенно самому Пего. Лик уже достаточно долго наблюдал за ним и прекрасно знал, что будет, когда жидкость сравняется со стеклянным дном. Пего начнёт метаться, как загнанный зверь в клетке.

— Мелкий, расскажи, что там произошло, — нахмурился Лик, пытаясь переключить внимание.

Мел начал рассказывать — сбивчиво, но подробно: про голосование, про выстрел, про то, как Пего склонился над отцом и прошептал угрозы. А Лик продолжал искоса наблюдать за тем, как пустеет бутылка в руке друга и как из картонной пачки всё больше и больше расходуется сигарет.

«Дело плохо», — подумал Лик, но вслух ничего не сказал.

Сам Мел не понимал, почему Лик смотрит на Пего с таким болезненным выражением лица, пока сам Пего явно уже поймал своё безумное радостное настроение. Он улыбался, постукивал пальцами по столу. Глаза у Пего блеснули — будто предвкушал грандиозное шоу.

Для Мела он всегда казался спасителем. Именно поэтому с наступлением восемнадцати лет он пытался пробраться в его банду — вступить в это дело, стать ближе к своему кумиру. Но тогда его посчитали слишком мелким, зелёным и неопытным.

А в этом году у Мела заболела мама. И когда обнаружили рак, Мел уже не мог принимать отказ. Ему были необходимы деньги на лечение — огромные суммы, которые он никогда бы не заработал честным трудом. И ещё нужно было быть рядом с Пего — чувствовать его силу, впитывать его харизму, учиться у него этой пугающей и завораживающей жестокости.

Пего для Мела был лучшим примером — хоть и пугал своей внешностью и безумием. Но каждый житель этого города, хоть и боялся Пего, всё равно восхищался им. Восхищался этой опасной харизмой, этой способностью играть жизнями, как шахматными фигурами.

Мел исключением не был. Даже наоборот — он хотел быть при Пего, ведь отец Мела не зря выбрал его. Не зря погиб за него.

И Мела должно было испугать то, что сделал Пего в том клубе. Но нет. Мел видел картину со стороны и мог точно сказать: его выходка имела место быть. В этом была логика — жестокая, беспощадная, но железная. Пего не просто устроил бойню — он показал, кто здесь главный. И Мел это понял. Понял и принял.

Пего вдруг расхохотался — громко, раскатисто, запрокинув голову. Звук эхом отразился от стен кабинета, заставляя Мела вздрогнуть, а Лика — тяжело вздохнуть.

— Что смешного? — осторожно спросил Мел.

— Всё! — Пего вытер слезу от смеха. — Всё смешно, мелкий. Весь этот мир — одна большая шутка — он резко перестал смеяться, и взгляд его стал ледяным, — все умрут в итоге. Но я пару тушкам помогу ускорить этот процесс.

Там было тринадцать мужчин, и все как один смотрели на Пего с насмешкой или презрением — будто он был не опасным психопатом с армией за спиной, а щенком, который явно не удался. Каждый над ним насмехался — кто-то открыто ухмылялся, кто-то переглядывался с соседом, кто-то демонстративно отворачивался, показывая, что Пего для него — пустое место.

И, кажется, угрозу Пего всерьёз восприняли только тогда, когда он совершил это зло — резко, беспощадно и без колебаний. Которое теперь и Мел считал необходимостью. В тот

момент он вдруг понял: Пего не просто так устроил эту расправу. Он показал то, о чём забыли, — и сделал это так, что у всех перехватило дыхание.

Мел рассказал Лику, что Павел явно решил приструнить своего сына этим браком. Поделится догадкой: Пего таким образом решили просто убрать с пути, чтобы не мешался. Вот только для чего? Что за игра идёт за его спиной?

Пока Пего продолжал опустошать бутылку — глоток за глотком, будто пытаясь залить внутри что-то жгучее и неумолимое, — Лик начал понимать: надвигается война. И, кажется, Пего решили заранее убрать с поля боя. Сделать его марионеткой, женить на дочери Грובה, лишить воли, контроля, власти.

— Этот брак нужен, Пего, — хмуро произнёс Лик, разглядывая свои костяшки. В его голосе звучало что-то новое — не страх, не покорность, а отчаянная попытка достучаться.

— Не нужен, — бормочет Пего, покачиваясь на стуле. Он пытается улыбнуться, но улыбка выходит кривой, сломанной, как треснувшее зеркало.

Лик взглянул на бутылку — та уже почти опустела — и понял: Мелкому здесь находиться больше нельзя. Он кивнул ему на выход, взглядом показывая: «Уходи. Сейчас».

Мел понял, что значит этот кивок. Встал, сделал шаг к двери — и вдруг замер, ибо в спину врезались слова Пего:

— Пусть останется! Пусть смотрит! И больше мной не восхищается! — хохочет Пего, задрав голову к потолку. Его смех звучит неестественно, надрывно, будто кто-то дёргает за ниточки внутри него.

Мел непонимающе смотрит на Лика. Тот кивает ему — вернись на кресло. В глазах Лика читается печаль, почти тоска.

«Почему?» — мысленно спрашивает Мел.

Ответ приходит сам собой, когда он становится свидетелем того, что разворачивается перед его глазами.

Впервые ему было мерзко. Впервые понастоящему страшно. Впервые он не мог понять, что происходит.

Пего ревел — громко, надрывно, как раненый зверь. И тут же смеялся — истерично, безумно, запрокидывая голову. Валился на пол, потом вскакивал и снова падал. Нес какую-то чушь — обрывки фраз, угрозы, воспоминания, которые никто не мог понять. Он даже включил музыку — тяжёлый, басовитый трек — и начал качаться из стороны в сторону, танцуя под ритм и продолжая то плакать, то смеяться.

Его лицо искажалось — то гримаса ярости, то маска безумия, то внезапная, почти детская грусть. Он был похож на человека, который балансирует на краю пропасти, и вот-вот сорвётся.

А потом Лик наклонился к Мелу и прошептал, почти касаясь его уха:

— Так страдает Пего. И если кто-то узнает, я прикончу тебя.

Мел кивнул и заметно напрягся — мышцы на шее напряглись, кончики пальцев непроизвольно задрожали. Лик это видел и по глазам парня понял: мелкому можно доверять. Взгляд Мела сейчас был таким же, как у самого Лика: сначала — восхищение и уважение к Пего, а теперь — тихая печаль, почти сострадание. И тогда Лик решил всё же поведать причину такого поведения босса.

Они с Мелом сидели в креслах, словно прикованные к месту, и с замиранием сердца смотрели, как Пего ревет навзрыд под тяжёлую электронную музыку. Нож в его руке мелькал в такт ритму — опасный, смертоносный аксессуар его истерики.

Таких шрамов по телу Пего хватало — и все они были умело замаскированы татуировками: черепами, змеями и оккультными символами.

— Так всегда после встречи с отцом, — тихо произнёс Лик. — Ты привыкнешь, Мелкий.

Мел кивнул, но внутри всё сжалось. Сердце замерло на секунду, потом забило чаще. Они продолжали сидеть и смотреть на этот абсурд — на представление, которое устраивал

Пего. На человека, который минуту назад вселял трепет и страх, а сейчас мучился и выглядел сломленным.

Спустя несколько минут, когда в бутылке не осталось ни капли, а в пачке — лишь пара сигарет, Лик совсем не удивился просьбе друга:

— К матери отвезите.

Лик подхватил под руку своего друга — тот едва стоял на ногах. Пего пошатывался и бормотал что-то невнятное. Лик кивнул Мелу, и тот подпёр Пего с другой стороны.

Пока они тащили его к выходу из штаба, Лик вспоминал, как раньше было хуже. Гораздо страшнее. И его сейчас радовало только одно: Пего становится лучше. Он выздоравливает — пусть и понемногу.

Друг понимал причину: Павел - отец Пего, появлялся в его жизни всё реже. Даже в главном штабе, где восседал как король, Пего старался его избегать. И это улучшение действительно было налицо. Только это Лика сейчас и радовало.

Пего чувствовал, как смотрят на него друзья — Лик с привычной тревогой, Мел с растерянным восхищением. Малыш явно не ожидал увидеть его таким!

И когда машина остановилась у кладбища, его уже разрывало изнутри на части. Потому что по ту сторону мира жила его мама...

Он шагал без помощи среди ночи по тротуарной дорожке, не замечая ничего вокруг. Взгляд был прикован к одному — к каменному надгробию, белевшему в темноте. Слезы текли ручьями, ком в горле всё увеличивался, а шею словно железной колючей проволокой обвило и сжимало беспощадно.

И только когда он рухнул на колени перед могилой матери, то разревелся во весь голос — громко, отчаянно, без всякой маски, без иронии и какой-либо жестокости.

— Прости меня, мамочка — прошептал он, уткнувшись лбом в холодный камень. — Я так по тебе скучаю Ты была единственным человеком, который любил меня просто так.

Его плечи тряслись от рыданий. Пальцы крепко вцепились в землю у подножия надгробия. Пего, тот самый Пего — пугающий, харизматичный и безумный, которого боялись все, — теперь выглядел как потерянный мальчик, утративший единственного человека, который дарил ему любовь.

Лик и Мел стояли поодаль, не решаясь подойти ближе. Мел впервые видел своего кумира таким — уязвимым. Он переглянулся с Ликом, и тот едва заметно кивнул: «Да, он такой. И именно поэтому он так опасен».

Глава 4

Абсурд

Машина остановилась возле дома Грובהа — массивного, вычурного, будто сошедшего со страниц глянцевого журнала для нуворишей. Пего замер на секунду, изучая особняк изнутри машины. Его губы искривились в гримасе: роскошь его бесила. Не просто раздражала — вызывала нервную дрожь внутри, почти физическую боль.

Блеск его бесил. Пафосные колонны, позолота на окнах, идеально подстриженные кусты — всё это казалось ему насмешкой над настоящим миром, где царили мрак и ярость, а не эта лакированная фальшь.

— Идём? — спросил Лик, бросив взгляд на друга.

Пего медленно повернул голову. В его разных глазах вспыхнули безумные искры. Он растянул губы в роскошной, хищной улыбке — медленно, с особой грацией, будто готовился к представлению.

— Да, — протянул он, и в голосе прозвучало явное раздражение.

Проснувшись сегодня утром, Пего вдруг осознал: этот брак может сыграть ему на руку. Не этой своре демонов во главе с самим чёртом, а именно ему. Да, он женится. Но не как пешка, а как игрок.

«Порт будет моим, — думал он, выходя из машины. — В скором будущем. А после свадьбы после свадьбы я займусь теми, кто посмел смотреть на меня свысока».

Лик шёл рядом, настороженно оглядываясь. Люди Грובהа следили за ними — внимательно, с опаской.

А вот Пего это только радовало. Он ловил их взгляды и впитывал их страх.

Дом напоминал поместье — роскошь буквально выкалывала глаза. Пего скривился, переступая порог. Внутри всё сжалось от отвращения: мраморные полы, хрустальные люстры, картины в золочёных рамах.

— Тьфу, — не сдержался он и симитировал рвотный позыв. — Как можно жить в этом блеске? Тут же задохнуться можно от пафоса!

Лик усмехнулся и похлопал друга по спине:

— Терпи, Пего.

Их встретил дворецкий — высокий, чопорный. Пего он раздражал тоже. Он молча повёл их вглубь дома, а Пего, искривляя лицо, оглядывался по сторонам.

— Как на облачке, — фыркнул Пего, косясь на лепнину под потолком.

— В заднице ангела? — хмыкнул Лик, пиная носком ботинка мраморный бордюр.

— Я бы сказал — в подмышке, — расплылся в улыбке Пего, демонстративно поведя плечами.

— Убедил, — пожал плечами его друг, пряча усмешку.

Мраморная плитка под ногами Пего блестела так, что резало глаза — белая, гладкая, будто каток для чертей. Позолота на дверных арках вызывала тошноту: он буквально чувствовал, как эта роскошь давит на виски, душит, высасывая воздух из его тела. Люксовая дизайнерская мебель белого оттенка, кажется, и вовсе хотела выколоть ему глаза своим безупречным видом. Дышать было трудно — Пего реально задыхался в этом изыске, будто его засунули в лакированную коробку для кукол.

Но всё резко изменилось, когда дворецкий наконец привёл их в гостиную. Пего сразу напоролся взглядом на своего отца — и улыбка сама собой расцвела на его лице, точная копия отцовской: острая, хищная, с намёком на безумие.

— А вот и мой сын! — громогласно заявил Павел, раскинув руки, будто собирался не обнять, а захлопнуть капкан.

Пего уже хотел закатить глаза и выдать пару ласковых — самых ядовитых, самых едких, — но тут обернулся сам Гробов Максим Юрьевич.

— Добро пожаловать, Дмитрий, — кивнул он, изучая Пего взглядом.

Пего втянул воздух через нос — медленно, глубоко, пытаясь сдержать импульс ярости из-за имени, которое ему так не нравилось. Оно звучало фальшиво, будто ему надели чужой костюм. Но он всё-таки шагнул вперёд и протянул руку в качестве приветствия — ладонь сухая, пальцы жёсткие.

— С добром пожаловали, Максим Юрьевич, — улыбнулся он, казалось бы, невинно. Но Гробов всё же нахмурился, вглядываясь в глаза Пего — туда, где плясали дьявольские искры.

— Жenuшку-то показать мне собираетесь? Или я здесь по другому поводу был необходим? — протянул Пего с издёвкой.

— Светлана сейчас к нам присоединится, — спокойно ответил Гробов. — Но я хотел сообщить, что свадьба должна пройти инкогнито. Пышности и фарса быть не должно. В лучшем случае хотелось бы совершить данное мероприятие в церкви.

— Я не крещёный, — цокнул Пего, перебивая Гробова на полуслове.

— Да? — удивился Гробов, нахмурившись. — Павел, ты ведь сказал — крещёный, — он перевёл взгляд на отца Пего, брови сошлись на переносице.

Теперь Пего не сдержался — расхохотался, задрал голову. Так громко, так раскатисто, что слёзы проступили в уголках глаз. Он хохотал, пока лёгкие не заболели, пока в груди не закололо от смеха.

— Ему-то откуда обо мне знать? — сквозь смех прошипел Пего, пока Гробов смотрел на него как на безумца.

«Правильно смотрел!» — пронеслось в голове у Пего. Он вытер слезу, выпрямился и окинул обоих мужчин взглядом — холодным, острым, почти осязаемым.

— Церковь, значит? — переспросил он, растягивая слова. — Ну что ж Можно и в церкви. Только пусть поп заранее гроб приготовит — на всякий случай. Мало ли что!

Павел стиснул челюсти, но промолчал. Гробов же побледнел и сжал кулаки. Лик за спиной Пего едва заметно покачал головой, ибо он уже знал этот тон. Это была не шутка. Это было предупреждение.

— Добрый день, — раздался за спиной тоненький, писклявый женский голос.

Пего впервые ощутил, как всё внутри замерло — будто кто-то дёрнул рубильник, отключив на долю секунды привычный поток ядовитой иронии. Это удивило его настолько, что он даже напрягся. А там уж медленно, почти неуверенно — синхронно с Ликом — он обернулся.

И в ту же секунду Пего расцвёл в своей улыбке. Он прищурился, разглядывая девушку досконально и смакуя каждую ее деталь.

Личико у нее круглое и чистое, непорочное. Опороченное ли тело? Волосы смоляно-чёрные и блестящие, прямые, как лезвие. Под глазами и на переносице — еле заметные веснушки, будто кто-то случайно рассыпал золотую пыль. Большие, словно блюда, глаза — сейчас они были округлены до космических значений, и это безумно его забавляло.

Но сокрушительную радость принесло то, как медленно сглотнула Светлана. Как она неосознанно сделала шаг назад, будто пытаясь раствориться в стене. Как дыхание её сбилось, замерло, выдавая страх, который она не могла скрыть.

Потому что Светлана была напугана — до дрожи, до озноба, до стука зубов. Впервые в жизни она увидела человека, который одним взглядом своих разных глаз — зелёного и голу-

бого — внушал ужас. Она буквально чувствовала, как дрожат кости, как сердце мечется в груди, ища укромное безопасное место.

Пего был выше Светы — кажется, на полметра. Шире — вполовину. У него были ярко-рыжие волосы и разные глаза. А ещё он улыбался так, что кровь в жилах стыла, а разум шептал: «Беги!»

Пару дней назад, когда за семейным столом решали вопрос о её замужестве, Светлана приняла свою участь. Выбора не было — нужно было помочь отцу. Папа пообещал, что брак долго не продлится: «Это необходимо на время, доченька. Всего лишь сделка».

Вот только Светлане никто не сказал, что ей придётся выйти за жуткого клоуна. А клоунов она боялась с четырёх лет — с того самого дня, когда на детском празднике один из них с размалёванным лицом схватил её за руку и захохотал. С тех пор их улыбки казались ей маской безумия, а грим — предвестником кошмара.

Отец, заметив её состояние, нахмурился и спросил:

— Всё нормально, доча?

Светлана сглотнула, чувствуя, как логоневроз сковывает язык. Слова застряли в горле, но она всё же выдавила:

— Неет-т, — запнулась, покраснела и сжала кулаки.

Пего расцвёл в улыбке, услышав, как задрожал голос Светы. Он медленно облизнул губы, буквально вкушая чувство её страха — сладкий, густой, почти осязаемый. Ему нравилось видеть, как эти глазки желтоватого оттенка выпучиваются от ужаса, будто вот-вот выскочат из орбит.

В груди заиграло что-то тёмное, первобытное — азарт охотника, поймавшего добычу. Кажется, у Пего даже привстал — он едва заметно поправил пиджак, скрывая реакцию тела. Потому он уже смотрел на Свету в других местах, оценивающе, с пылающей жадностью.

Грудь её Пего тоже понравилась — он сразу отметил, что силикона там не обнаружено. Что, кстати, крайняя редкость в этом мире фальшивых идеалов. Пего ценил настоящее. Мягкое. Живое. Бедра у девчонки были округлыми, соблазнительно покачивались при каждом движении. А когда её подозвал отец, бровь у Пего невольно выгнулась: задница данной особы и правда была неким эксклюзивом. Настоящая. И явно упругая.

Светлана, дрожащими руками ухватившись за руку отца, заглянула в его глаза с мольбой и прошептала:

— Он-н уж-ж-жасен.

Отец нахмурился, но лишь крепче обнял дочь и тихо прошептал:

— Надо будет быть сильной, дочь. Ты справишься.

— Какой кошмар! — раздался голос мамы Светланы, и они с отцом резко обернулись.

Гробовастаршая стояла в проходе с пакетами, в которых виднелась новая одежда. Она дышала часто, грудь вздымалась, а взгляд, полный ненависти и страха, был прикован уже к Пего.

Пего не удержался — подмигнул супруге Гробова с той самой улыбкой, от которой большинство людей уже прощаются с жизнью.

— Вот, родниться приехал! Как говорят? А! Добрый день, я ваш будущий зять! И с меня нехер взять, — прошипел он, приближаясь к Гробовойстаршей, словно змейискуситель. Его голос звучал бархатно, но в нём сквозила насмешка и идиотизм.

— Да уж вижу, — зашипела супруга Гробова, отступая на шаг. — Максим! Я не отдам нашу дочь этому этому

— Кому? — усмехнулся Пего, делая шаг вперёд и сокращая расстояние.

— Человеку! — выдала Гробовастаршая, будто словом плюнула ему в лицо.

Пего театрально скорчил гримасу обиды, прижал руку к груди и демонстративно смахнул слезинку:

— Ах, как больно!

— Жанна, сейчас не время, — вздохнул Гробов, потирая переносицу.

— Что? — взвизгнула мама Светы, её голос сорвался на крик. — Что значит «не время»? Самое то! Никакого брака! Я не отдам Свету! Господи, я её не для того растила, чтобы какойто какойто — она запнулась, задыхаясь от гнева и страха, — вот такой её забрал! — и, остановив свой гонор, заглянула мужу в глаза, ища поддержки.

Света, как и её мама, поняла: с этим на вид страшным и безумным человеком ей всё же придётся вступить в брак. Отец дал одним взглядом понять — ни о каких отказах речи быть не может. Его глаза, холодные и твёрдые, сказали всё без слов: «Это решено. Спорить бесполезно».

Свету сейчас пугало всё. Она до последнего надеялась, что будущий муж будет ей хотя бы приятен — спокойный, рассудительный, может, даже немного скучный. Но она и представить не могла, что он будет внушать ей такой животный ужас. Ей было страшно даже взглянуть ещё раз на Дмитрия Пегасина — на эти разные глаза, на эту хищную улыбку, на весь его облик, в котором пугающе сочетались харизма и безумие.

Когда же сам Пего уже сидел в кресле, откинувшись на спинку и закинув ногу на ногу. Он кайфовал от того, что происходило на его глазах. Пальцы ритмично постукивали по подлокотнику, а на губах играла та самая улыбка — опасная, предвкусшающая. Ему до жути было приятно видеть, как судорожно мечутся глаза его отца. Павел боялся. Пего это сейчас видел отчётливо — в дрожи пальцев, в едва заметном подрагивании век, в том, как отец слишком часто сглатывал.

Но он всё никак не мог понять: зачем отцу этот брак необходим? Ведь изза той самой аферы с портом Павел так бы не трясся. Там всё было просчитано и риски минимальны.

«Дело в другом, — думал Пего, изучая отца взглядом, будто скальпелем разрезая его на части. — И оно совсем не касается порта».

Что же вело отца на весь этот абсурд? Почему Гробов готов отдать свою любимую и единственную дочь ужасному и страшному Пего — человеку, от одного вида которого у людей жизнь перед глазами проносится?

Пего прищурился, мысленно выстраивая цепочки. Он привык видеть скрытые мотивы, читать между строк, чувствовать ложь за милейшей улыбкой. И сейчас он чуял: здесь игра посерьёзнее, чем простая сделка.

«Что эти двое задумали?» — размышлял он.

Он перевёл взгляд на Светлану. Та стояла у стены, вжавшись в неё, будто надеялась раствориться. Её пальцы нервно теребили край платья, глаза избегали его взгляда.

— Ну что, — Пего резко поднялся, хлопнув в ладоши, — раз все вопросы решены, давайте обсудим детали. Когда свадьба? Хочу успеть подготовиться к семейной жизни, — он бросил многозначительный взгляд на Светлану, и та вздрогнула, побледнев ещё сильнее.

Гробов поправил манжету рубашки и, стараясь сохранять спокойствие, ответил:

— Церемония пройдёт в узком кругу. Никаких журналистов, никаких гостей, кроме самых близких. Всё максимально сдержанно.

— Как похороны, — хмыкнул Пего и рухнул в кресло, но тут же оскалился в улыбке, заметив, как Гробов дёрнулся от его слов. — Шучу, папуль! Продолжайте.

Павел, до этого молча наблюдавший за происходящим, вмешался:

— Да, свадьба будет скромной. Без лишнего шума. Это в интересах всех сторон.

Пего медленно кивнул, постукивая пальцами по подлокотнику кресла.

— Допустим. А брачный договор? Я так понимаю, он уже готов?

— Разумеется, — Гробов достал из папки несколько листов, аккуратно скреплённых. — Светлана, подойди, взгляни.

Светлана нерешительно шагнула вперёд, её руки дрожали. Она бросила короткий взгляд на Пего — тот наблюдал за ней с нескрываемым интересом, чуть склонив голову набок.

Она определенно Пего сейчас интересовала. И он причины этого понять не мог. Наверное, от этого и складывался такой интерес.

— Что тут? — Пего взял документ, быстро пробежал глазами по строкам. — Активы, обязательства, условия расторжения Всё по классике. Но вот этот пункт, — он ткнул пальцем в одну из строк, — «в случае расторжения брака в течение первого года — выплата компенсации в размере» — впечатляет. Вы что, заранее планируете развод?

— Это страховка, — жёстко ответил Гробов. — Чтобы ни у кого не возникло соблазна использовать этот брак как инструмент.

— Инструмент, — повторил Пего, растягивая слово. — Какое красивое слово. А мне нравится. Инструмент можно использовать по-разному, верно?

Лик, стоявший у стены, едва заметно напрягся. Он знал этот тон — значит, Пего уже что-то задумал.

— Дмитрий, — Павел строго посмотрел на сына. — Речь идёт о серьёзном соглашении. Подписывая его, вы берёте на себя обязательства.

— Обязательства, — усмехнулся Пего. — Звучит так скучно. Но я согласен. При одном условии.

Все замерли. Гробов нахмурился:

— Условию? Мы уже всё внесли.

— Да-да, — Пего откинулся на спинку кресла, закинул ногу на ногу. — Моё условие простое: я хочу внести один пункт. Личный.

— Какой? — настороженно спросил Гробов.

— Пункт о слиянии моей деятельности с портом напрямую, — чётко произнёс Пего, и в его глазах вспыхнул опасный огонёк. — Я хочу получить долю в активах порта. Не символическую, а реальную — с правом голоса в управлении, доступом к отчётности и возможностью влиять на ключевые решения. Скажем 25% акций.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Гробов побледнел, Павел непроизвольно сжал подлокотники кресла. А Пего ощутил, как в прямом смысле этой шуткой встал поперёк горла каждому из них.

Не ожидали? Ну так и Пего не знал, что так метко попадёт, сморозив чушь.

— Это выходит за рамки договорённости, — медленно произнёс Гробов. — Мы не можем просто так

— А кто говорит «просто так»? — перебил Пего, наклоняясь вперёд. — Я предлагаю равноценный обмен. Брак. Лояльность. И, — он сделал паузу, — отсутствие нежелательных инцидентов в будущем. Вы же понимаете, что может произойти, если я решу, что со мной обошлись несправедливо?

Павел и Гробов переглянулись. Оба прочитали в глазах друг друга одну и ту же мысль: Пего что-то понял. Нашупал! И это явно им не на руку.

— Хорошо, — после долгой паузы согласился Гробов. — 20 %. И только после года брака, когда мы убедимся в вашей добросовестности.

— 23 %, — мгновенно парировал Пего. — И 10 % — сразу после подписания брака. Остальное — через год. Плюс ежемесячный отчёт о деятельности порта. Без утайки.

Гробов стиснул зубы, но кивнул:

— Договорились.

— Превосходно, — Пего широко улыбнулся. — Теперь мы почти семья! Какая радость-то!

Он взял ручку, поставил подпись на документе и толкнул его в сторону Светланы:

— Ваша очередь, невеста.

Светлана сглотнула, взяла дрожащей рукой ручку. Её пальцы едва не выпустили её. Она взглянула на отца — тот кивнул, подбадривая. На маму — та закусила губу, сдерживая слёзы. И наконец, на Пего, который улыбался широко, с откровенным наслаждением наблюдая за её мучениями.

Она поставила подпись. Буквы получились неровными, дрожащими, но они были на бумаге.

— Вот и славно, — Пего хлопнул в ладоши.

Он поднялся, подошёл к Светлане вплотную — так, что она почувствовала жар его тела, уловила запах табака и чего-то острого, мужского.

— Жду не дождусь, — прошептал он ей на ухо. — Будет весело. Обещаю, Светик!

Светлана отшатнулась, но он уже отошёл, весело насвистывая какой-то мотив.

Игра началась! И Пего теперь не просто хотел выиграть. Ибо сейчас он уже планировал забрать всё.

Глава 5

Первая забава

Он не любил лжи. Вообще. Ни грамма. Ему достаточно было почуять её нутром — как псу, учуявшему падаль за километр. Ложь воняла, царапала нервы, вызывала желание стереть её с лица земли вместе с тем, кто её произнёс.

Пего сморозил чушь — и сейчас сам не понимал, зачем ему эти активы Грובה. Но нутро его визжало, как ржавая петля на воротах ада: он идёт в верном направлении. Куда — пока неясно, но что-то шевелилось в глубине сознания, что-то острое, хищное, готовое вцепиться в добычу. Это покоя не приносило никакого.

Опять же, достаточно было заметить реакцию отца и самого Грובה. Павел побледнел, сжал челюсти так, что на скулах заиграли желваки. Грובה, тот и вовсе на мгновение потерял самообладание — рука дрогнула, пальцы сжали край стола. Пего это видел. Запомнил. Улыбнулся тогда про себя.

Пего уже целый день провёл над документами — кипами бумаг, которые ему каждые полчаса доносят его люди. Всё это — досье на Грובה, схемы его бизнеса, цепочки поставок, финансовые потоки. И, конечно же, досье на тринадцать будущих бездыханных тел. Фотографии, адреса, привычки, слабые места. Он уже готов был завывать в голос от переизбытка информации в голове. Мозг кипел, будто перегретый двигатель, но Пего не переставал думать.

Ему было плохо. Не физически — морально. От того, что он не понимал, где именно копать. Что ему нужно отыскать. Где та ниточка, потянув за которую, он перевернёт всю эту игру с ног на голову.

А ещё ему хотелось веселья. Настоящего, дикого, кровавого веселья. Чтобы кровь стучала в висках, чтобы адреналин жёг вены, чтобы страх других людей обжигал, как кислота. Он ведь так сильно это чувствовать любил!

Пего взглянул на часы. Стрелка сравнялась с секундной на полночи — ровно двенадцать. Он решил, что настало время первой забавы.

Он улыбнулся — медленно, предвкушающе. Достал из пачки сигарету, чиркнул зажигалкой. Пламя вспыхнуло, осветив на мгновение его лицо — асимметричное, пугающее, но отчего-то завораживающее. Прикурил, втянул дым глубоко в лёгкие и на секунду задержал дыхание. Потом выдохнул — дым клубился в воздухе, принимая причудливые формы, будто души тех, кого он когда-то отправил на тот свет.

Пего глядел на дым, улыбался, придумывая забавную шутку для первого из его списка.

Может, отправить ему подарочек — коробку с отрезанным пальцем? Или просто позвонить среди ночи и прошептать: «Я знаю, где ты спишь»?

Он уже почти выбрал, уже смаковал в уме реакцию жертвы

Но пришлось закончить это занятие, как только он к нему приступил. Потому что в кабинет вошёл Лик — без стука, как всегда. И с ходу объявил:

— Завтра бракосочетание. Павел звонил.

Пего даже бровью не повёл. Только хмыкнул — коротко, насмешливо:

— Почему торопятся? — протянул он, выпуская дым через ноздри. — Не кажется это странным? Ммм? Будто хотят меня в клетку загнать, пока я не начал рыть глубже. Или

Друг упал в кресло и схватился за переносицу, массируя точку между бровей так, будто хотел выдавить из головы дурные мысли.

Пего видел: Лик тоже озадачен. В его глазах читалась та же мрачная догадка, что скребла когтями внутри самого Пего.

Для него Лик был роднее всех — единственный, кому он мог доверять хоть каплю своего ядовитого доверия. И он прекрасно знал: сейчас Лик рассуждает в том же направлении, что и он сам. В их головах крутились одни и те же шестерёнки — только у Пего они были смазаны кровью, а у Лика — холодным расчётом.

— Этот брак был изначально спланирован для того, чтобы тебя с пути убрать, — вздыхает Лик, и его голос звучит глухо, почти обречённо. — Это даже мелкий пацан понял. Вот только ты им просрать дал, заявив о своём условии. Частично ты остался на поле боя. Вот только ни хрена не понятно, за что, мать его, эта война вообще идёт?

Лик посмотрел на Пего так мучительно, что даже самому Пего на мгновение стало не по себе — настолько явственно в этом взгляде читалась тревога. Лик задницей ощущал, что грядет что-то похуже звездаца. Что-то такое, от чего даже у них, людей, видевших ад во всех его проявлениях, волосы встанут дыбом.

Пего продолжал пускать едкий дым изо рта, наблюдая, как серые клубы расплываются в воздухе, будто призраки его будущих жертв. Он смотрел на Лика, но видел не друга — а отражение собственных мыслей.

Что он пытался там разглядеть? О чём думал? Сам Пего не понимал до конца. И это его злило — будто кто-то чужой забрался в его череп и крутит там рычагами, а он не может дотянуться, чтобы вырвать эту тварь наружу.

— Дочку Грובה придётся всё же забрать себе, — цокнул Пего, стряхивая пепел на дорогой ковёр, будто на могилу.

— О чём ты? — удивился Лик, резко выпрямившись в кресле. Его глаза сузились. — Ты сейчас серьёзно?

— В договоре не было прописано, как именно этот брак будет существовать, — Пего затянулся, выпустил дым через ноздри, и его губы растянулись в улыбке — той самой, от которой у большинства людей подкашивались ноги. — А значит, я могу с лёгкостью девчонку забрать себе. И тогда не только активы меня в игре оставят, а ещё и дочь Грובה — что будет сидеть при мне. Жанна Грובה все мозги проест, если Светик будет звонить мамочке и умолять спасти её. Грбов не выдержит. Всю правду сольёт, дабы доченьку обратно вернуть.

— Ты сейчас серьёзно? — скривился Лик. Он откинулся на спинку кресла, провёл рукой по лицу. — Ты мне говоришь на полном серьёзе, что сейчас её к себе берёшь и жить с ней будешь? Кошмарить? — Лик усмехнулся, но в его смехе не было веселья. Только тревога за девушку и недоверие к своему другу. Ну потому что он уже знал, что уготовил его друг для той самой Светланы.

— Ага, — цокнул Пего и сразу же затянулся дымом снова. Дым окутал его лицо, на мгновение скрыв жуткую улыбку. Когда он рассеялся, глаза Пего сверкнули — холодно, расчётливо, с отблеском безумия. — Представь себе картину: она сидит у меня дома. В моей спальне. Запертая. Звонит маме, плачет, умоляет.

Лик молча смотрел на него. Он знал Пего слишком хорошо. Знал, что тот не шутит. Что это не просто угроза — а план. Жестокий, изощрённый, дьявольски точный.

Пего улыбнулся, и эта улыбка была страшнее любого крика.

— Куда ты её жить-то повезёшь? Ты здесь ночами и днями пропадаешь, — отмахнулся Лик, пытаясь хоть так переубедить своего друга.

— В свой дом, — пожимает плечами Пего.

— Тот, что в лесу? Или ты об этом кабинете? — закатывает глаза Лик, кивая на голые стены с парой карт и фотографий на стенах с изображением различных ярких граффити.

— Тот, что в лесу, — улыбается Пего.

Лик посмотрел на Пего шокированно. Но в то же время он понимал: другого ожидать от него смысла не было. Лику теперь было страшно ещё и за девушку, которая, как он считал, — всего лишь лишняя деталь в этой кровавой игре.

Лик знал о том доме Пего. И он там бывал. Видел его. Туда Пего ездит только когда ему надо побыть в одиночестве — или когда нужно спрятать что-то или кого-то.

Тот дом стоял в глухом хвойном лесу, куда не доезжают курьеры, не долетают дроны, не добираются даже слухи. Электричество работало только за счёт генераторов. Там не было ни связи, ни сети. Только сосны, скрип старых досок, вой ветра по ночам и тишина — густая, давящая, будто могильная плита. Там было страшно и одиноко. Настолько, что даже Лик, выдавший виды, чувствовал, как по спине бегут мурашки, когда оставался там дольше пары часов.

— Лучше уж здесь её поселить, — выдохнул Лик, глядя на друга в упор. — В городе. Под присмотром. Хоть какая-то видимость нормальности.

— Ты, кажется, не расслышал меня, мой друг, — усмехнулся Пего и снова пустил облако едкого дыма. Дым окутал его лицо, на мгновение скрыв глаза — один зелёный, другой голубой, — а когда рассеялся, взгляд был ещё холоднее. — Я ей жизнью наслаждаться давать не собираюсь. Я хочу делать наоборот. Светик будет страдать и мучиться — чтобы быстрее её отец выдал мне всё, что скрывает. Или, в худшем случае, договор был расторгнут с его стороны. На его страх и риск.

Лик расширил глаза и посмотрел на Пего с ужасом — не притворным, не осторожным, а настоящим, почти детским. Он вдруг увидел перед собой не друга, не партнёра по делам, а того самого Пего, о котором ходили легенды в узких кругах: человека без тормозов, без морали, без жалости.

— Пего, она ведь не виновна — тихо произнёс Лик.

— Разве когда-то меня это волновало? — Пего рассмеялся — коротко, хрипло, без тени веселья. — Да и в этом деле невиновных нет. Она — дочь того, кто что-то задумал вместе с моим отцом. А значит, нет никаких проблем мне с ней веселиться, — он подмигнул другу, и в этом подмигивании было столько угрозы, что Лик невольно сжал кулаки.

Лик спорить с ним не стал. Он уже понял: успеха никакого не будет. Это бесполезно. Всегда так, когда Пего уже решил для себя. Его мозг работал как механизм — холодный, точный, безжалостный. Он просчитывал шаги наперёд, видел слабые места, использовал страхи, ломал волю. И сейчас он уже видел Светлану не как человека, а как рычаг давления.

И Лика сейчас удручало только одно: девушке придётся несладко. Он уже мысленно соблаговолит ей — той, кто попал в эту игру случайно, кто не выбирал эту судьбу, кто просто хотел помочь отцу. Но теперь она — пешка. И Пего собирался использовать её по полной.

Пего, выслушав от Лика информацию о завтрашнем бракосочетании, резко хлопнул ладонью по столу и отдал короткие, рубленые приказы:

— Подготовить дом к завтрашнему дню. Завезти еду, воду, всё необходимое. И пусть из бокса выгоняют моего зверя. Прокачу с ветерком женушку, — расхохотался Пего, и смех его прозвучал как скрежет ржавых лезвий.

Спустя время Пего снова закурил, выйдя на балкон своего кабинета. Он прищурился с улыбкой, увидев, как Мел выезжает на его зелёно-синем спорткаре — машина блестела в свете уличных фонарей, будто хищное создание, готовое к прыжку. Сердце Пего забило в такт рёву мотора — мощно, яростно, наотмашь.

Он не устоял. Откинул сигарету в сторону, стряхнув пепел, и стремительно направился вниз.

Люди Пего были свидетелями того, как владелец самого дорогого автомобиля во всём городе садится за руль — откинув дверцу вверх с характерным щелчком. Они смотрели ему вслед, затаив дыхание, когда Пего выжал педаль газа до упора и переключил передачи на руле — мотор взревел, словно пробудившийся зверь.

Огни города и улицы сливались в размытые полосы, пока самый страшный и удачливый чужак гнал на скорости 211 км/ч. Пего чувствовал, как адреналин обжигает вены, как кровь стучит в висках.

Он не смеялся. В этот момент, находясь на грани жизни и смерти, он был предельно серьёзен. Ему нравилась эта скорость, это ощущение возможной гибели — оно очищало разум, выжигало лишние мысли, оставляло только чистое, первобытное возбуждение.

А ещё в пути Пего всегда начинал слишком много думать. И сейчас он почемуто вспоминал эти глаза — широко раскрытые, полные ужаса, с отблеском желтизны в глубине зрачков.

Светлана.

Фарфоровая кукла, выросшая в роскоши и трепетной родительской любви. По сути — неженка, бриллиант, слишком чистый, слишком хрупкий. Таких Пего видел достаточно — и презирал. Ему нравились другие: распутные, изломанные, потрёпанные жизнью. Нравилось трогать и брать то, что уже было сломано, потому что Пего любил добивать. Доводить до края, срывать маски, обнажать истинную суть — страх, боль, отчаяние.

Но с таким набором внешних данных Пего придётся столкнуться впервые. И как бы его ни раздражало то, что он уже минут сорок вспоминает Гробову, он всё же предвкушал занимательное веселье с этой девушкой. Представлял, как будет наблюдать за её страхом, как она будет дрожать, умолять, пытаться сопротивляться — а он будет улыбаться и делать ровно то, что задумал.

Пего облизнулся с ухмылкой, представляя, как будет обнажать её грудь. Ему казалось, что там, под тканью бюстгальтера, скрывается нечто совершенное — то, чего он ещё не встречал.

Ладони горели от желания трогать её — до криков, до слёз, до полного подчинения. Он уже видел, как она будет смотреть на него — с ужасом, с мольбой, с отчаянием. И это возбуждало его сильнее, чем чтолибо ещё.

В сексе Пего был жесток — и он это прекрасно понимал. Подтверждением тому были крики о помощи, мольбы прекратить, слёзы на щеках девушек. Но Пего всегда лишь смеялся в ответ и продолжал — забирал эти чувства, питался их страхом, брал то, что хотел, так, как ему нравилось. Без компромиссов, без жалости.

Свету он хотел так же. Хотел сломать её безупречный фасад, увидеть, что скрывается под маской воспитанной девочки. Хотел, чтобы она узнала его настоящую сущность — не жениха, не будущего мужа, а хищника, который не знает пощады.

Мотор взревел громче, когда Пего вошёл в крутой поворот. Он улыбнулся — холодно и хищно, сильно желая внутри как можно скорее оказаться в этом непорочном, казалось бы, теле.

Пего теперь хотел Свету.

Глава 6

Зрелище

Она боялась. Сильно, до дрожи в коленях, до перехваченного горла, до ледяных иголок, бегущих вдоль позвоночника.

Светлана стояла у алтаря, вцепившись пальцами в край платья. Она смотрела в глаза женщинорегистратору — и видела, как они всё больше и больше расширяются. А после оглушительного звука, с которым резко распахнулись двери зала, Светлана поняла: это пришёл он.

Женцинорегистратор побледнела, челюсть отвисла — точно так же, как у всех, кто вероятно впервые видел Пегасина Дмитрия.

Светлана выдохнула коротко, почти беззвучно, и кивнула сама себе, пытаясь уgomонить дрожь, что уже бежала по позвоночнику и плавно перетекала к конечностям. Кулачки сжались ещё крепче — до боли. Но спину она продолжила держать ровно.

И когда её жуткий кошмар оказался рядом, она намеренно остановила дыхание, чтобы тело не выдало страха. Но как же она ошибалась.

Пего наклонился к её уху, обдав горячим дыханием, и прошептал:

— Ну, здравствуй, Светик!

Света ощутила, как мороз пробежал по коже и оставил за собой колючий слой мурашек. Она не прекращала смотреть на женщинорегистратора — та уже незаметно крестилась, глядя на Пего, будто отгоняла нечисть.

Как бы Света ни хотела скрыть свой страх, ей всё же нужно было поздороваться. Она была так воспитана.

— З-з-здравствуй, Д-дмитрий — голос дрогнул, слова застряли в горле, логоневроз дал о себе знать.

— Называй меня Пего, детка, — прошипел он ей на ухо, и в этом «детка» было столько яда, что Света невольно вздрогнула.

Услышав как он ее прозвал, Света испытала злость — горячую, обжигающую, неожиданную даже для неё самой. И на то были свои причины: это прозвище было под запретом. Оно напоминало ей о детстве, о клоунах с их кривыми улыбками и выпученными глазами — тех самых, что пугали её до кошмара.

Под нахлынувшим порывом злости она резко повернула голову к тому, кто внушал ей ужас, и прошипела:

— Н-н-называй м-м-меня Светланой!

Порыв исчез так же внезапно, как и появился. Перед ней снова стоял Пего — с этой своей ужасной улыбкой, слишком широкой, слишком пугающей, слишком похожей на гримасу тех самых клоунов из детских кошмаров.

Они стояли плечом к плечу, в какихто жалких сантиметрах друг от друга. Светлана дрожала, но продолжала смотреть, округлив глаза. В груди билось сердце — быстро, неровно, как пойманная птица.

Пего же сам не ожидал такой смелости от этой мелкорослой девчонки. Он приподнял бровь, изучая её с интересом хищника, который вдруг обнаружил, что добыча умеет кусаться.

«А она ведь с зубками», — мелькнуло у него в голове.

Он был приятно удивлён её дерзости. Это значило, что играть с ней будет ещё веселее. Он уже предвкушал: как будет ломать её волю, как заставит умолять, как увидит слёзы в этих глазах — сначала испуганные, потом отчаянные, потом пустые.

Но где-то в глубине его гнилой души эта выходка не понравилась. Пего никто не перечит. Никто.

— Светик! Светулик! Светуся! — с прищуром и издёвкой шипел он, кривляясь над её именем. А потом облизнулся, заметив сверкающий прозрачный блеск на её пухлых губах.

И казалось ему, что всё! Дело выиграно. Девчонка вот так быстро прижата к плитусу, сломлена, запугана, готова сдаться. Но ошибаться Пего не любил — а потому улыбка с его лица сползла в ту же секунду, когда Света закатила глаза и отвернулась. А потом выдала, чётко и твёрдо, хоть голос и дрожал:

— Как-к-как скаж-жешь, ДМ-МИТРИЙ!

Пего злобно сморщил лицо, услышав свое имя, которое ему не нравилось. Хотел бы он уже начать свое представление, на которое сейчас Света его явно подбадривала, да вот только мозгами он понимал, что для этого еще рано. А потому резко навис над ухом Светланы и выдал:

— Какая ты плохая девчонка! — прошипел ей в висок Пего, и в этом шёпоте было столько угрозы, что любой другой уже бы рухнул на колени.

Но Света уже смотрела только на регистратора — ту самую женщину, которая бледнела всё сильнее, едва сдерживая дрожь.

Света стойко, на удивление даже для себя самой, вынесла присутствие Пего рядом с собой, хотя чувствовала, как он продолжает обжигать её сторону лица своим тяжёлым, хищным взглядом.

Так они и стояли перед алтарём, пока регистратор с дрожанием в голосе произносила свою выученную речь. Пего смотрел на профиль Светы и часто дышал через нос — не от волнения, нет, а от нарастающего раздражения, смешанного с каким-то диким, почти животным возбуждением.

Света же хоть и дрожала — пальцы на краю платья побелели от напряжения, — всё равно пыталась держаться стойко: плечи расправлены, подбородок чуть приподнят, взгляд устремлён вперёд.

Она нахмурилась, когда у женщины, вещавшей перед стойкой, глаза ещё больше округлились, а речь запнулась на полуслове. В эту же секунду Света почуяла запах едкого дыма рядом с собой. И когда она покосилась на «клоуна», что стоял рядом, то никак не ожидала увидеть, что он — здесь, сейчас, при таких обстоятельствах — осмелится закурить.

— Здесь нельзя курить! — попыталась повысвить женщина голос, но вышло с визгом, почти писком, как у загнанного зверька.

Пего выпустил дым, медленно, нарочито, наслаждаясь моментом. Он чувствовал, как ярость внутри перестаёт бурлить и уступает место холодному, расчётливому азарту. Резко взглянул на ту, что пороссяче провизжала глупость:

— Продолжай, — сказал он тихо, почти ласково, но в этом голосе звенела сталь. — Иначе я бычок потушу об твой язык! — и улыбнулся. Широко. Жутко. Так, что у регистратора подкосились ноги.

А потом довольно покосился на Грובה и своего отца — те стояли в стороне и часто дышали, смотря на Пего так, словно гадали, как бы ему в сердечко кинжал вонзить незаметно. Их страх был осязаем, почти вкусен.

Ему на приличия было плевать, как и на то, что здесь происходило. Но девчонка, что стояла рядом с ним, его так сильно выбесила своей неожиданной стойкостью, что он уже был на грани — вотвот заставит её слёзы лить, заставит умолять, ломает, как сухую ветку.

Но нельзя было! Брак ещё не был зарегистрирован! Потому пришлось себя как-то стопорить. И другого способа Пего не нашёл, как просто закурить. Он затянулся, выпустил дым в сторону регистратора — та едва не закашлялась — и прищурился, изучая Свету.

Он курил с прищуром, пока женщина продолжала ломаным, дрожащим голосом вещать дальше слова, которые всё больше и больше раздражали его, никак ему не подходили, резали

слух, будто ржавое железо по стеклу. Его от каждого звука выворачивало наизнанку — эти клятвы, эти формальности, эта фальшь.

Пего решил не слушать то, что ему не нравится, а занять себя тем, что нравилось куда больше. Сейчас, пока он выпускал дым и затягивался снова, он смотрел на Свету — в белом шёлковом платье, таком нелепом в этой обстановке, полной напряжения и скрытого ужаса.

Изыск! От неё фонило этим так сильно, что даже нос Пего невольно морщился. Белое платье с рукавами, длинное, прямое — до щиколоток. Прямые чёрные волосы с блестящим эффектом, жемчужный ободок в волосах. А ещё в бледных тонких пальцах — маленький нежно-бежевый букет, будто кукольный, будто из какойто сказки, которую Пего ненавидел всей душой.

Всё это хотелось изодрать прямо сейчас — разорвать шёлк, обнажить кожу, увидеть, как меняется её лицо, когда она понимает, что её ждёт. И смотреть на Свету обнажённой. А ещё он хотел эти губы с блестящим прозрачным блеском — почувствовать их на своём члене, ощутить, как она задыхается, как пытается отстраниться, но не может.

Пего прикрыл глаза, представляя эту картину во всех деталях. Но пришлось открыть их в ту же секунду, потому что регистратор провизжал, едва сдерживая дрожь:

— Прошу обменяться кольцами!

Пего расхохотался в голос, громко, раскатисто — так, что несколько гостей вздрогнули, а кто-то даже перекрестился. Он вдруг понял, что о кольцах совсем позабыл. Света же вздрогнула и отшатнулась в сторону, хватаясь за горло, будто он уже схватил её за шею.

— Нет колец! — смеялся Пего, запрокидывая голову.

— Есть, — раздался позади голос Лика, и Пего резко отвернулся.

Он посмотрел на друга непонимающе, когда тот протягивал ему коробочку с двумя кольцами — простую, чёрную, без всяких украшений.

— Тю Когда успел? — сморщился Пего, держа губами сигарету. Дым шёл изо рта, смешиваясь с воздухом, будто ядовитый туман.

— Бери, — закатил глаза Лик, явно уставший от этой клоунады.

Пего ответил тем же — закатил глаза в ответ, принял коробочку и повернулся к Свете. Достал её кольцо — маленькое, изящное, слишком невинное для всего этого безумия. Скривился, увидев, как оно мало, но всё же замер, рассматривая: лаконичное, обычное, без вычурности. Ему простота нравилось — куда больше чем какаянибудь вульгарная безвкусица, инкрустированная камнями размером с кулак. Хотя сам он ярчил.

Света сглотнула, собрав всю оставшуюся смелость, повернулась лицом к Пегасину и протянула руку. Пальцы дрожали — едва заметно, но достаточно, чтобы Пего это заметил. Он ухмыльнулся про себя.

А потом она вздрогнула, когда невероятно горячая рука обхватила её пальцы — обожгла, будто раскалённым металлом. Пего, держа в зубах бычок и выпуская губами дым прямо в лицо Светы, надевал кольцо на её безымянный палец. Она видела, как в этих ужасно разных глазах — один зелёный, другой голубой — плясали черти, весёлые, кровожадные, предвкушающие.

Пего продолжал наслаждаться зрелищем, пока Светлана надевала кольцо на его палец. Дрожали её пальчики так приятно — охладили кожу незабываемо, будто специально, будто знали, как ему это нравится. Как нужно!

Он был доволен тем, что девчонка всё же его боится. Даже где-то в глубине души выдохнул с облегчением, посчитав, что «зубки», которые она показала раньше, были лишь случайностью. Теперь она снова на месте — запуганная, дрожащая, покорная.

— Прошу поставить ваши подписи, молодожёны!

Пего нахмурился, понимая, что поцелуй женщина намеренно отсекала. А когда взглянул на Грובה и своего отца, причину такого поступка осознал мгновенно. Грбов жаждал только

фиктивного брака — бумажки, формальности, прикрытия. А Пего Пего любит делать назло. Всегда. Особенно когда кто-то пытается его ограничить.

Да и ему уж больно хотелось цапнуть губы Светы.

Натянув улыбку — широкою, жутковатую, — и подмигнув Максиму Юрьевичу, он выдал:

— Вы пропустили целый фрагмент незабываемого представления!

— Что? — охнула женщина, побледнев ещё сильнее.

— Как же скрепить союз поцелуем? — усмехнулся Пего.

— Это не к чему, — вмешался Гробов, чем только укрепил Пего в догадке.

Потому Пего оскалился безумно. Откинул бычок потухшей сигареты в сторону — тот упал на ковёр, оставив тёмное пятно, — и схватил Светлану одной рукой за скулы. Хватка была жёсткой, пальцы впились в кожу, оставляя следы.

Света почувствовала боль, острую, неожиданную. Но она поддалась, ведь понимала: с таким рослым, пугающим, опасным мужчиной ей не потягаться. Он мог сломать её одним движением — и знал это. И наслаждался этим знанием.

Они схлестнулись взглядами. Пего замер с улыбкой на лице, когда её глаза точно прицелились в его. И нахмурился, заметив, что в них страха не было. А он ждал его! Ждал, как охотник ждёт, когда добыча дрогнет перед прыжком.

И никак не ожидал увидеть в них отвращение. Не предполагал! Ведь с отвращением на него ни одна девушка до полового акта не смотрела никогда. Всегда был интерес, любопытство, даже страх — но смешанный с вождением. Их манило к его страшной харизме, к этой асимметрии черт, к глазам разного цвета, к улыбке, которая могла быть и обольстительной, и смертельной.

А здесь было иначе. Даже не попробовав, она уже презирала. Это было Пего непривычно. Но он дальше рассуждать не стал, заметив, как Гробов сорвался с места, шагнул к ним, сжимая кулаки.

А потому впился в эти пухлые губы и всосал их в себя так сильно и пошло, что не удержался и прикусил сильно нижнюю губу Светланы. Кровь выступила мгновенно — алая капля на бледной коже.

Света взвизгнула и, не сдержав порыв постоять за себя, огрела его пощёчиной. Звук удара разнёсся по залу, как выстрел. А после она отшатнулась, смотря на то, как Пего прикрыл глаза от наслаждения. Как он показательно смаковал её вкус и языком сгрёб со своих губ капли крови. А ещё движением руки показал, как этот вкус он считает тонким и блаженным — будто дегустировал редкое вино.

— Вкусная какая! — резко открыл глаза он и улыбнулся ужасно мерзко, почти блаженно.

Света вздрогнула и отшатнулась ещё на шаг назад. А там уж врезалась в грудь отца и задышала часто, вытирая кровь с губы — та щипала изза блеска, который проник в рану.

— Ты что себе позволяешь?! — зарычал Гробов и обнял крепко свою дочь, заслоня её собой.

Пего состряпал гримасу жалости, смотря на эту абсурдную картину — отец, пытающийся защитить дочь после того, как отдал её этому чудовищу. Но потом снова улыбнулся и выдал:

— Это ещё куда ни шло! Светик сейчас идёт со мной! Я забираю свою жену!

Пего резко дёрнул Свету за руку на себя. Когда она врезалась в его грудь, он, подарив ей своё маленькое безумие в окраске улыбки — холодной, хищной, — потащил на выход.

Света пыталась вырваться, дёргалась, как бабочка в паутине, и постоянно оборачивалась на отца. Тот просто стоял и смотрел, как её тащит на выход этот ужасный человек. В её глазах стояли слёзы, она молила его взглядом помочь — ведь так они не договаривались. Он ей обещал другое! Клялся в её безопасности! Уверял, что брак будет фиктивным, только на бумаге.

— Папа! — прокричала Света, всё же пустив одну горькую слезу. Голос сорвался, заикание вернулось: — П-п-папа, помоги!..

Но Гробов стоял как истукан и даже не шевельнулся, смотря дочери вслед. А Света больше кричать не пыталась. Девушке стало понятно: родной отец её обманул. И она сама виновата в том, что поверила тому, кто ещё с малых лет дал ей понять: любит он только деньги.

Она сжала кулаки, проглотила слёзы и пошла за Пего — не потому, что подчинилась, а потому, что поняла: теперь она одна. И если хочет выжить в этом кошмаре, ей придётся найти в себе силы.

Свете придётся спасти себя.

Глава 7

Азарт

Пего был удивлён — неприятно, почти раздражённо — тому, что Света только поначалу отбиваться пыталась.

Когда они покинули зал регистрации и спустились по лестнице, она шла за ним покорно, будто кукла с перерезанными ниточками. И он мог бы уже отпустить её руку, но всё же продолжал держать её. Пальцы всё ещё сжимали её запястье, оставляя бледные следы, и он до последнего думал, что это некая уловка. Ловушка. Игра.

Но Пего и в этом ошибся, когда видел, как она спокойно, почти механически, садится в его машину. Без слёз, без криков, без сопротивления.

Пего хотел хардкора! А его не было совсем.

Он жаждал ярости и слёз, шипения сквозь зубы, мольбы, истерики — чего угодно, лишь бы увидеть, как ломается её воля. Но ничего из этого уже не было. И это его озадачило, а ещё выбило из колеи, будто кто-то выдёргнул опору из-под ног. Он ведь привык, что жертвы борются до последнего. А эта

Грובהва просто сдалась. И от этого внутри закипало раздражение.

Светлана так сильно разочаровалась в отце, что ей было вовсе не до клоунов — даже до этого жуткого, харизматичного, смертельно опасного клоуна, что был рядом.

Пока Дмитрий гнал на бешеной скорости в неизвестном ей направлении, Света то и дело вспоминала взгляд отца. Тот самый — холодный, расчётливый и уже отстранённый. Ей было больно. Тяжело. В груди будто разверзлась пустота, заполненная осколками разбитых иллюзий. Но Света его не винила. Не совсем. Потому что виновата была только она сама, что ему поверила.

Сглотнула, ощущая, как ком в горле царапает, и осознала: даже если бы не согласилась на этот брак, отец бы всё равно бы заставил. Очевидно! Он всегда так делал. Всегда выбирал деньги.

Всегда!

Сейчас Свету тревожило другое: Пегасин Дмитрий ехал по какому-то лесу. Тёмные деревья смыкались над дорогой, будто своды тюрьмы. Она вспомнила, что с собой у неё даже телефона нет — ни связи, ни помощи, ни шанса позвать на помощь. Полная изоляция. И рядом совсем этим — он.

— Ккуда ты мменя везёшь? — задышала Света часто, и голос её дрожал. Заикание вернулось, выдавая страх.

Она сжала кулаки, пытаясь взять себя в руки, но паника уже поднималась изнутри, как тёмная вода во время наводнения.

— Оостановись ппожалуйста

Пего скосил взгляд на Светлану и задумался, услышав очередное невнятное, повторяющееся произношение. Его уже раздражало, что она заикается — это действовало на нервы, до скрежета зубов, до желания схватить её за плечи и встряхнуть, чтобы выбить эту дрожь из голоса.

— Ты заика, что ли? — театрально сморщился он, не отрывая взгляда от дороги.

— Ттолько при страхе. Это ллогоневроз, — прохрипела Света, сжимая пальцами край платья.

А Пего в улыбке расплылся от услышанного — широкая, хищная ухмылка растянулась на его губах. Он был сейчас рад узнать, что девчонка его всё же боится. Ему так и надо было! Этот страх был для него как воздух — он им и дышал.

— Ааа! — рассмеялся Пего, запрокинув голову. Звук его смеха заполнил салон, отдаваясь эхом в ушах Светланы.

А потом, решив проверить границы её выдержки, Пего резко повернулся к ней и выкрикнул:

— Бу!

Света испугалась — вжалась в дверь, схватившись за сердце, которое заколотилось так быстро, будто хотело вырваться из груди.

Пего же расхохотался. Он смеялся так, что на глазах выступили слёзы, а живот свело от удовольствия.

— Ззнаешь, у ммменя ддаже сил ннет дделать вид, что тты мне приятен! — шипит Света, сама не ожидая от себя такого. Слова вырвались сами, будто кто-то другой управлял её языком.

Пего смеяться остановился — резко, как по щелчку. Улыбка сползла с лица, взгляд стал холодным и колючим. Он прищурился и цокнул:

— Да мне похер!

Света глаза округлила. Она дрожала и смотреть больше на Пегасина Дмитрия не хотела. Он её продолжал очень сильно раздражать и пугать — этот резкий переход от смеха к ледяной жестокости говорил о неадекватности этого человека.

Пего же видел, как дрожит Света, — видел, как подрагивают её пальцы, как часто вздымается грудь, как расширились зрачки. И он очень хотел продолжить этот забавный диалог, но ему по ушам теперь резало её заикание. Оно ему действовало на нервы.

Потому, когда он уже подъезжал к дому — тёмному силуэту среди деревьев, окружённого тишиной и одиночеством, — всё же спросил спокойно, почти буднично:

— Это лечится?

Света не ожидала услышать этот вопрос, потому и не дала ответ сразу. Она растерялась, замерла, пытаясь понять, что скрывается за этим внезапным интересом. В голове метались мысли: «Что ответить? Как сказать так, чтобы он не разозлился? Чтобы не сделал ещё хуже?»

— Я кого спрашиваю?! — выкрикнул он, и Света вздрогнула, будто от удара.

Пего улыбнулся, увидев, как подпрыгнула Грובהва и посмотрела на него ошалело — глаза широко раскрыты, губы дрожат, дыхание сбилось. Он почувствовал этот страх, видел его — и сейчас выпитывал с блаженством, как гурман смакует редкое вино.

— Ну не дёргайся, а то тебе ведь ещё год со мной жить и не тужить, — рассмеялся он и подмигнул, сверкнув глазами — один зелёный, другой голубой. И оба холодные и насмешливые. — Отвечай, Светик!

— У мменя я клоунов боюсь! — выдавила Света, и слова повисли в воздухе, как её приговор.

Пего устремлённо покосился на неё — медленно, почти театрально. В этом взгляде было столько угрозы, что Света прямо-таки ощутила, как все волосы на теле встали дыбом и устремились вверх от ужаса. Ведь вид сейчас у этого «клоуна» был не менее кровожадным, чем у тех, что ей снились после того инцидента в четыре года — с кривыми улыбками, выпученными глазами и ножами вместо пальцев.

Он ещё так по-киношному, страшно медленно и ужасно скосил взгляд на неё, будто растягивал её страх, смаковал его, как редкое вино. Света была готова закричать от ужаса — горло сжалось, лёгкие будто опустели, но чудом держала рот на замке и только глазами на него испуганно хлопала, как загнанный зверёк.

— Ты сейчас клоуном меня назвала? — прошипел Пего.

Внутри у него всё вскипело — ярость, горячая и ядовитая, ударила в голову. Он хотел пустить шальную пулю прямо сейчас в висок этой особе. Именно это слово — «клоун» — он ненавидел. Нет, именно от этого прозвища он зверел, будто кто-то дёргал за скрытый рычаг в его большой душе.

Он смотрел на Свету и выжимал из движка всю мощь — педаль газа в пол, мотор ревел, как раненый зверь. Руль держал так, что казалось, вырвет его с мозгами прямо на скорости! Пальцы побелели от напряжения, вены на руках вздулись.

Пего и сам удивился тому, что смог себя сдержать. Но и на это у него нашлось объяснение: когда они подъехали к его дому, он отчётливо увидел круглые, полные ещё большего ужаса глаза Грбовой.

Пего прекрасно знал, что его дом вызовет у Светланы не меньший ужас, чем он сам. Ведь его дом так делал со всеми, кто сюда осмеливался наведаться. Для других — мрачное, странное место, пугающее своей открытостью и одиночеством. А для Пего этот дом с панорамными окнами вместо стен был обителью тишины. Спокойствия!

Он сюда приезжал только для того, чтобы отдаться своему безумию окончательно или же просто обрушиться душевно — без масок, без ролей и без притворства. Такое место необходимо каждому. И у него этим местом был дом в глуши хвойного леса, на зелёной поляне, вдали от людей, от правил, от всего, что могло бы его безумие сдерживать.

Света дышать перестала, увидев среди леса маленький одноэтажный, словно стеклянный дом. Одинокий, прозрачный, будто выставленный напоказ — и в то же время полностью отрезанный от мира. Один среди тёмного леса, на отшибе города, в сорока минутах от него.

В этот момент Света осознала, что хуже быть уже не может. Она была без связи, без телефона, без запасной одежды. Была одна в глухом лесу с самым что ни на есть своим кошмаром. И он её привёз в клетку. Теперь, кажется, в заточение.

И Пего вслух это подтвердил, когда заглушил свой автомобиль — мотор смолк, и наступила тишина, нарушаемая лишь шелестом хвои и стуком сердца Светы...

— Добро пожаловать! — произнёс он, растягивая губы в улыбке — широкой, жуткой, почти блаженной. — Здесь ты весь год будешь существовать, Светик. Ну ты не кисни! Уж поверь, нам с тобой будет весело!

Он открыл дверь и вышел из машины, глубоко вдохнув холодный лесной воздух. Потом обернулся к Свете — та всё ещё сидела, вцепившись в сиденье, бледная, дрожащая, с глазами, полными ужаса.

— Выходи, — бросил он. — Или тебя за шкуру внутрь тащить?

Света сглотнула, чувствуя, как страх сковывает тело. Но выбора не было. Медленно, будто во сне, она открыла дверь и ступила на землю — туда, где начиналась её новая жизнь. Жизнь в плену у человека, который пугал её больше, чем все клоуны из детских кошмаров вместе взятые.

Света и так была сломлена из-за предательства отца, а сейчас понимала, что Пегасин решил добить её окончательно. Она не сдержала слезу — та вырвалась из глаз сама собой, скатилась по щеке ледяной дорожкой.

Ноги Светы подкашивались, пока она шагала по пути к своему аду, следом за самим дьяволом, что её туда сопровождал. Было больно — да так, что дышать трудно было, будто кто-то сдавил грудь железными тисками. Горло сдавливал ком страха, горький и колючий, мешающий вдохнуть. Особенно тяжело было смотреть, как Дмитрий наслаждается её отчаянием и страхом — его глаза блестели, губы растягивались в довольной улыбке. И от всего этого становилось ещё ужаснее.

Из них двоих радость испытывал только он. Ведь Пего шёл впереди, широко шагая, словно хозяин мира, а Света плелась следом, едва переставляя ноги.

Они вошли в дом, когда Пего открыл металлическую настенную коробку — раздался щелчок, техника загудела, и свет наконец вспыхнул, рассекая тьму. Но даже электричество не улучшило ситуацию. Света часто дышала, как будто задыхалась. Она держалась за сердце, будто оно вот-вот выскочит из груди. Потому что пока она осматривалась, ей становилось всё хуже и хуже...

Взгляд цеплялся за детали, каждая из которых кричала: «Беги!»

Чёрные плотные шторы в пол на каждом панорамном окне — будто занавес перед спектаклем ужасов. Чёрная кожаная мебель с глянцевой поверхностью, отражающая тусклый свет, словно ловящая тени. Стол, вырезанный из дерева и перекрашенный в чёрный, — массивный, угловатый, будто надгробие. Под ногами — деревянный пол из тёмного дерева, почти чёрный. Вместо белого освещения весь дом горел красным неоном.

Вся атмосфера этого дома давила, душила и кричала бежать. Пугала каждая деталь: и резкие углы, и отсутствие ярких цветов, и сама тишина, нарушаемая лишь их дыханием.

Потому Света как стояла на пороге, так и осталась там стоять. В этом доме она была единственным белым пятном — платье, кожа — всё выделялось на фоне мрачных тонов, делая её ещё более уязвимой. И она сейчас очень сильно хотела в мамины тёплые объятия, а не стоять здесь, трястись от страха и смотреть, как с победной, ужасной, ничему хорошему не сулящей улыбкой надвигается на неё Дмитрий.

Дмитрий шагнул вперёд. Света же сделала шаг назад. Он прищурился и шагнул ещё. А Света, отступив снова, врезалась в закрытую дверь.

Пего продолжал на неё идти, медленно, нарочито, смакуя каждый момент. Он вкушал её страх, впитывал его, как упырь — кровь. Ему нравилось смотреть, как по её щеке течёт слеза, оставляя влажный след. Нравилось наблюдать, как трепещут её реснички, как дрожат губы и как снова расширились зрачки.

А ещё Пего безумно её сейчас хотел — не просто тело, а всю целиком: её страх, её сопротивление, её отчаяние.

— Зубы скалила в машине, хоть и заикалась, — склонился он к её лицу, почти касаясь губами её щеки. — Что же сейчас изменилось, Светик? — прошептал он, и в этом шёпоте было столько яда, что Света почувствовала, как по спине пробежал ледяной пот.

Его дыхание обжигало кожу, запах сигарет и чего-то металлического и чужого, заполнял лёгкие.

Света сжала кулаки, ногти впились в ладони — она пыталась найти хоть каплю силы, хоть искру сопротивления. Но страх парализовал её, сковал мышцы и лишил голоса.

— Нничего не изменилось, — выдавила она, и голос прозвучал так тихо, что она сама едва его услышала. — Я тттебя все еще б-боюсь, Пегасин.

Пего замер на мгновение, а потом рассмеялся — громко и раскатисто, запрокинув голову. Звук его смеха эхом разнёсся по мрачному дому, будто сам воздух содрогнулся от этого хохота.

Света смотрела в эти разные глаза — один зелёный, как ядовитая трава, другой голубой, словно лёд на краю пропасти, — и не дышала. Она сейчас боялась даже сделать вдох: всё нутро кричало ей, что Пегасин так смотрит на неё не просто так. Так хищно бегают этими дьявольскими глазами по её лицу, будто выбирает, с какой части начать свою страшную игру.

И когда Дмитрий опёрся рукой о дверь над её головой — резко, властно, отрезая последние крохи иллюзии свободы, — Света не удержала и вторую слезу. Та скатилась по щеке, оставив мокрую дорожку. Вот такую холодную, как приговор.

— Ттолько тронь меня, и ты пожалеешь, — выдохнула Света, морщась от того, как близко были губы Пегасина к её губам. Расстояние между ними было меньше пальца — и это расстояние жгло, как раскалённое железо.

Пего приподнял уголок рта — не улыбка, а оскал, звериный и опасный. А потом, словно хищник, втянул воздух у её шеи — глубоко, медленно, смакуя аромат, который был так похож на апельсины и мяту.

Пего любил цитрус. Особенно мандарины — их яркий, дерзкий запах будил в нём азарт, желание ломать и владеть.

— Ну и что ты мне сделаешь, Сссветик? — тихо посмеялся он рядом с её ухом.

Его дыхание обжигало кожу, заставляя волосы на шее встать дыбом. И Света готова была уже умолять Пегасина остановиться и не делать того, что он явно задумал. Она ощущала, как внутри всё краснеет, будто кровь закипает в венах. Пальчики сводит судорогой, костяшки побелели от того, как сильно она вцепилась в подол платья. И как же сильно ей хотелось плакать — не просто всхлипнуть, а зарыдать в голос и забиться в угол, чтобы спрятаться от всего этого кошмара.

Но она держалась. Из последних сил.

— Пожжалуйста! Не наддо! — прошептала она и с мольбой взглянула на Пегасина Дмитрия.

В глазах ее было отчаяние, страх, но гдето глубоко, на самом дне, всё ещё теплится искра упрямства. Но Пего только посмеялся над этими её словами — коротко, издевательски.

Он наклонился ещё ближе, почти касаясь её губ, и прошептал:

— А если я хочу?

Его пальцы скользнули по её щеке — неожиданно мягко, почти нежно. Но от этого обманчивого прикосновения Света вздрогнула, как от удара. Он провёл большим пальцем по её нижней губе, чуть оттягивая её, изучая, пробуя на вкус её страх.

— Ты такая хрупкая, — произнёс он, и в голосе зазвучала странная, пугающая задумчивость. — Как тонкий фарфор, который разбить легко. Но интереснее — не разбивать. А смотреть, как он сам трескается.

Он отстранился резко, будто наскучило играть с добычей прямо сейчас. Оторвал руку от двери, сделал шаг назад — и Света невольно выдохнула, хотя знала, что это ещё не конец.

— Развлекайся, Светка, — бросил он, махнув рукой в сторону гостиной. — Знакомься с хатой!

Потом развернулся и пошёл вглубь дома — походка расслабленная, но в каждом шаге чувствуется сила, власть и уверенность в том, что она никуда не денется.

Глава 8

Провал

Пего решил, что нужно чуть посмаковать эдакое угрюмое состояние Светланы. Он ведь сейчас с ней играл, как ленивый кот с маленькой мышкой — той самой, что всё равно будет им съедена.

Это дело времени!

В этом Пего не сомневался ни на секунду: её забавное сопротивление — лишь вопрос минут. А потом — полное сокрушительное подчинение. Или психологическая поломка. Впрочем, ему подходило и то, и другое.

А потому Пего отправился в свой бар — массивный, чёрный, с зеркальными дверцами, за которыми прятались бутылки, как заключённые в камере. Он взял всё, что ему нужно для того, чтобы смотреть занимательное представление и лучше изучить данную особь: бутылку светлого пива, стакан, щепотку соли на случай, если захочется чего-то поострее, и своё безграничное удовольствие.

Но про «клоуна» Пего не забыл.

Это слово, сорвавшееся с губ Светланы Гробовой, всё ещё зудело где-то под кожей, как едкий раствор, что сжирает каждую живую клетку.

Клоун! И как же сильно Пего ненавидел это слово.

Пока Гробова, держась за стеклянную стену — прозрачную, как ложь, — ползла в гостиную, Пего открыл бутылку с глухим хлопком. А там уж Пего зашипела, будто змея. Он же ухмыльнулся и сделал глоток. И потом наблюдал за Гробовой молча, с глубоким, почти животным наслаждением. Его глаза скользили по её фигуре, как пальцы по коже — медленно, оценивающе и предвкушающе.

Он это делал молча и с глубоким наслаждением! Хотя всё нутро его, чёрт возьми, требовало её сейчас на его члене — яростно, грубо и уж точно без каких-либо прелюдий.

Но Пего знал, что всё равно даст этому случиться. Просто пока нужно было Свете дать возможность дышать.

Да, пусть подышит. Пусть почувствует иллюзию безопасности. А потом — бац! — и снова в омут страха.

Потому и смотрел Пего, склонив голову набок, как хищник, изучающий добычу. Следил за каждым её движением пристально и совсем не скрывая этого. Его взгляд был осязаемым — тяжёлым, липким, почти физическим. Он будто касался её спины, шеи, затылка.

Света же сходила с ума от каждой детали вокруг. Физически она дрожала — пальцы на стекле подрагивали, колени подгибались, будто вот-вот откажут. Но внутри её словно ломило на части: крутило, как на карусели, которая разогналась до предела и вот-вот разлетится на куски, душило, будто кто-то сжимал горло невидимой рукой.

В этом доме даже на стенах висели картины — кричащие своей яркостью и безумием. Абстрактные мазки, красные и чёрные, будто брызги крови на асфальте.

Эмоциональное давление было таким сильным, что Света чувствовала, как лопаются капилляры в глазах, как сжимается сердце, как воздух становится густым, как смола, и едким, как ядовитый туман.

Она задыхалась от страха и плакала уже сильнее, хоть и беззвучно. Слезы катились по щекам, оставляя мокрые дорожки, но она не замечала их. Ей не хотелось ни садиться, ни стоять, ни тем более здесь находиться. Голова кружилась так, что комната плыла перед глазами

— стены качались, потолок опускался, а пол уходил из-под ног. Кажется, её уже тошнило — не от еды, а от ужаса, от осознания, что она в ловушке.

Но куда страшнее было чувствовать взгляд того безумного человека на своем затылке. Он прожигал ее, будто лазер, который резал кожу и заставлял волосы на руках вставать дыбом. И потому она не смела поворачивать головы. Боялась встретиться с ним глазами — с этими разными, пугающими, гипнотизирующими глазами.

Света доползла, задыхаясь, до черного дивана — массивного, угловатого, похожего на надгробие. Осела на него, подтянула колени к груди и свернулась калачиком. Упала лицом в колени, чтобы заплакать еще сильнее — беззвучно и судорожно, сжимая пальцами ткань платья.

А Пего за этим всем наблюдал. Потягивал пиво, смаковал каждый ее всхлип, каждую дрожь, каждое движение. В его глазах плясали черти — веселые, кровожадные, предвкушающие. Он улыбался — медленно, жутко, с явным удовольствием.

Его смех, тихий и хриплый, растворился в тишине дома, а за окнами темнел лес — молчаливый свидетель того, что должно было произойти.

Света подобное уже испытывала в детстве, когда психиатр настоял на том, что ей необходимо встретить страх лицом к лицу. Он утверждал, что это её излечит — наивный, глупый человек, не понимавший, что некоторые страхи не лечат, а размножают причину.

Тогда, будучи маленьким человеком, она вот так же осела на пол — крошечная фигурка в большом, враждебном мире. Спрятала лицо в колени и плакала громко, отчаянно, пытаясь хотя бы слезами отогнать четырёх людей в масках клоуна. Они стояли вокруг, неподвижные, жуткие, с нарисованными улыбками, которые будто врезались в память раскалённым железом.

Маленькая Света тогда потеряла сознание от сильного выброса адреналина и страха, что сковал ей горло и не давал нормально дышать. Мир погас, как перегоревшая лампочка. И сейчас хотелось ей так же отключиться, вот только Света уже была взрослой девушкой — не ребёнком, которого кто-то может спасти. А сейчас ещё и одинокой. Теперь уже одна против всех.

Отец предал. Надежды рухнули.

И спустя часы, что она провела в таком положении — скрючившись на чёрном диване, как сломанная кукла, — в этом страшном доме рядом с человеком, что внушал ей ужас и был похож на того самого клоуна, Свете всё же пришлось поднять голову.

Раздался лязг бляшки ремня — резкий, металлический звук, разорвавший тишину, как нож.

Пегасин шёл к Свете, допивая из бутылки своё светлое. Пиво стекало по подбородку, капало на рубашку — но ему было всё равно.

Он расстёгивал свободной рукой ремень от своих брюк — медленно, нарочито, смакуя страх Светы. Поставил пустую бутылку на журнальный столик с глухим стуком и рывком избавился от ремня. Тот упал на пол с тяжёлым шлепком, будто знак начала неизбежного.

Они смотрели друг другу прямо в глаза. Света не понимала, что Пего делал, но уже не дышала и вжималась в диван так, будто хотела провалиться сквозь него. Ткань обивки впивалась в спину, а пальцы судорожно цеплялись за край сиденья.

А Пего прямотаки балдел от того, как эта девчонка от него дрожит. Как она испуганно глотает слюну, как с ужасом смотрит на него — зрачки расширены, губы дрожат, дыхание сбито. И главное! Как ему уже сильно хотелось оказаться в ней. Ведь Пего вспомнил, что секс у него был три дня назад Истосковавшийся его твёрдый член просил разрядки, пульсировал в такт бешеному ритму его мыслей.

— Раздевайся, — цокнул Пего.

Света глаза резко округлила, рот приоткрылся в безмолвном крике. Потому что Пегасин начал снимать с себя белую рубашку — медленно, пуговица за пуговицей, будто раздевал не себя, а её саму одним только взглядом.

И то, на что она сейчас смотрела, было самым что ни на есть её реальным кошмаром.

Всё тело Дмитрия было изуродовано шрамами от порезов — хаотичными, неровными, будто кто-то пытался вырезать на нём карту безумия. Всё его накаченное и упругое тело было забито бессмысленными чёрными кляксами — следами боли, ярости, саморазрушения. Перед ней сейчас стоял и улыбался своей безумной улыбкой сам дьявол. Потому что он был ужасно прекрасен — в этой своей искажённой, пугающей красоте.

— И? Ещё скажи мне, тебя из одежды самому вытряхивать? Раздевайся, Светик! Иначе, если это сделаю я, то ты кричать будешь, — сказал Пего, взяв Свету за подбородок одним пальцем. Прикосновение было ледяным, властным и, как оказалось уже, неотвратимым.

Но Свету даже не волновало, что произойдёт дальше. Она не перестала бегать глазами от одного пореза к другому. И потому она выдала тихо, почти беззвучно:

— Тты ужассен, Дмитрий.

Пего улыбнулся, держа её дрожащий подбородок уже двумя пальцами. Наклонился к её губам так близко, что она почувствовала его дыхание — горячее, с привкусом пива и чего-то металлического.

— Ошибаешься, детка! Я вот так прекрасен, — прошипел он в губы Светы, и его голос был похож на шипение змеи.

Потом, заглянув в её ошалелые глаза — полные ужаса, непонимания, но и какого-то странного, болезненного любопытства, — медленно провёл кончиком языка по её дрожащей нижней губе.

Света напряглась — и, кажется, всё-таки потеряла сознание, хотя и не отключилась полностью.

Сейчас она не могла ни пошевелиться, ни вдохнуть: всё её тело будто парализовало. Мышцы одеревенели, пальцы скрючились, а в груди застыл воздух. И только рассудок, еле слышный, как радиопомехи, шептал: «Потерпи. Просто потерпи».

И только после того, как его шершавый язык оказался в глотке Светы, она поняла: другого ей не остаётся. Спасения ждать неоткуда. Это чудовище милосердным не было и не станет — в его глазах нет ни капли сострадания, только азарт психопата и голод дикого зверя.

Сейчас, пока Пегасин шипел и разрывал на ней белое платье, она уже не стеснялась лить слёзы. Они катились по щекам непрерывным потоком, горячие, горькие, бессильные. Света понимала, что себе ничем помочь не сможет. Она в клетке, захлопнувшейся с металлическим лязгом.

Она была благодарна тому ублюдку, что надругался над ней ещё в школе. Потому что хотя бы знала, что сейчас будет испытывать и как это будет больно.

Света сейчас считала слёзы, что скатывались и проверяли её щёки на прочность.

Четырнадцатая слеза — когда кусок платья полетел в одну сторону, другой — в другую, а её ободок, украшенный жемчужинами, упал на пол, рассыпая бусины.

Пятнадцатая слеза — когда она взвизгнула от того, как прямо на ней порвались белые кружевные стринги, а следом и бюстгальтер распался на части, обнажая её перед этим чудовищем.

Сильные слёзы текли, когда Пегасин, словно упырь, высасывал всю её душу из её губ — кусал до крови, сдавливал грудь до такой боли, что другие девушки на этом этапе уже, вероятно, кричали, молили остановиться и звали на помощь.

Но Света стояла стойко и не открывала глаза. Она смотрела внутрь себя, туда, где ещё теплилась искра её «я».

Пего это раздражало! Бесило! Он не понимал, почему она только слёзы пускает и не кричит. Почему не умоляет? Где её отчаяние, которого он так жаждал?

— Смотри на меня! — прошипел он и толкнул лбом в лоб Свету — резко, грубо, заставляя её вздрогнуть.

— Даже глаз не открою, — тихо прошипела Света без единого заикания. И значения этому не придавала: не в той она сейчас была ситуации, чтобы различить, как чисто, твёрдо, почти вызывающе ответила она этому чудовищу.

Пего зарычал громче — звук вышел низким, звериным, — и более себя сдерживать не стал. Он хотел изначально страданий Светы. Чтобы она умоляла родителей спасти её от него — чтобы они почувствовали ту же боль, что и она сейчас. И потому что этого хотел почувствовать сам.

Ему нужен был её страх, её крик, её мольба — как улада, как топливо для его тёмной души. Но, опьянённый похотью, Пего всё же замер на том моменте, когда увидел, как идеально, естественно и совершенно тело этой «куклы».

Всё было природным, настоящим — без фальши, без масок. И он не мог не взглянуть. Не мог не коснуться.

Потому он мям грудь Светы — она идеально помещалась в его руке, мягкая и упругая. Он трогал её гладкий лобок — тот был правильным, упругим, почти невинным, будто не касались его ещё чьи-то руки. И он жрал её губы — они сочились солоноватой влагой из ран, что он оставил своими укусами, — кровь смешалась со слезами.

Света не отвечала ни на что. Она просто стояла, как кукла, — безвольная, пустая, с глазами, застывшими в одной точке. По щекам катились слёзы — одна за другой, беззвучные, бесконечные. Она была сейчас не мёртвая и не живая. Просто оболочка.

И именно это заводило Пего ещё больше — его азарт разгорался, как костёр от бензина.

Даже когда Пего с силой ударил по её ногам — резко, хлестко, — чтобы Света свалилась на диван, она не издала ни звука. Только вздрогнула, как сломанная марионетка, и опустилась на чёрную кожу обивки, уже с закрытыми глазами.

А Пего достал свой пульсирующий от похоти член — тот стоял, как приговор, твёрдый, горячий, нетерпеливый. Но Света глаз не открывала. Ни реакции. Ни крика. Ни мольбы.

Пего сейчас не понимал, почему всё вдруг стало не так, как он хотел. Почему какаято девчонка не даёт ему то, зачем он пришёл?

Он ждал слёз — да! Но других. Тех, что с мольбой, с криками о пощаде. Просьб прекратить эти мучения. Наслаждаться ее отчаянием — чтобы она билась, как рыба на суше, умоляла, задыхалась от страха. Почему этого сейчас ему не давала Света, он не понимал.

И ещё не понимал, как теперь этого достичь.

Внутри закипала злость — горячая, ядовитая, с привкусом разочарования. Он привык, что жертвы ломаются быстро. А эта Эта будто специально его дразнила своим молчанием.

Света же, почуяв, как замер Пегасин, как он дышал яростно, горячо в лицо, возвышаясь над ней скалой на чёрном диване, приподняла сквозь ручки своих слёз уголок рта. Губы дрогнули — и она выдохнула тихо, но отчётливо:

— Ну что же ты остановился, клоун?

Пего сморщился от услышанного — будто ему плеснули кислотой в лицо. Это слово, «клоун», резануло по нервам, ударило в самое больное место. Так его называл отец в детстве — с презрением, с насмешкой, с ненавистью. И теперь это прозвище сорвалось с губ девчонки, которую он собирался сломать.

Гдето в глубине души его это пугало — то, как она лежит под ним и больше не дрожит. Закрывает глаза, льёт слёзы, улыбается и называет его этим. Но он не дал себе остановиться. Не сейчас. Не после такого!

Он зарычал, как голодный зверь, — низко, утробно, с хрипом. Без какого-либо увлажнения, без подготовки, без жалости вставил в Свету то, что её хотело и требовало. Сам уже смотрел на неё с отвращением — не как на женщину, а как на вещь, которая посмела бросить ему вызов.

Света скривилась от боли — острой, режущей, разрывающей изнутри. Но взвизгнуть себе не позволила. Крепко сжала зубы, прикусив до боли щеку изнутри — так, что во рту появился металлический привкус крови. Терпела это раздирающее чувство боли между бёдер, пока Пегасин толкался в неё — грубо, ритмично, безжалостно. То, что было очень твёрдым и большим, что она ещё со школы ненавидела в мужчинах и обещала себе никогда в жизни не испытывать от этого наслаждения.

Ей было противно даже подумать о том, что кто-то может получать удовольствие от этого процесса. От этой животной, грубой силы. От этой власти, которая ломает, а не любит.

Пегасин сжал пальцами шею Светы — точно так же, как тот самый парень в тот самый день. Пальцы впились в кожу, словно стальные клещи, перекрывая кислород. Он шипел ей в лицо, требуя стонать или кричать, сжимая шею до такого состояния, что уже дышать не получалось совсем — только хрипеть, ловить ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

Но Света продолжала, скривившись и сжав зубы, принимать безжалостные толчки Пегасина.

Каждая секунда была адом — острым, режущим, разрывающим изнутри. Она ненавидела каждый кусок его тела. Ибо душу ненавидеть смысла не было — её ведь у него и не было совсем. Просто пустота, замаскированная под харизму.

— Кричи! — шипит Пегасин и толкается во всю свою длину резко, будто хочет пробить её насквозь.

— Нет, — шипит Света сквозь зубы, впинаясь ногтями в его руку на своей шее. Её пальцы дрожат, но она держит хватку — слабо, но держит.

— Давай! — кричит он и толкается уже ритмичней, яростно, так, будто все внутренности Светы выбивает изнутри. Удары отдаются в голове, в рёбрах, в самой глубине ее организма.

— Не дождёшься! — кричит ему она, и в этом крике — вся её боль, вся злость, всё то, что он пытался раздавить.

Они лежали на чёрном диване в гостиной, залитой красным неоновым светом — будто в декорации к фильму ужасов.

Света лежала под ним, маленькая, изломанная, но не сломленная. А Пего, уже не щадя даже себя, пытался добыть из нее хотя бы один стон — как алхимик, жаждущий превратить свинец в золото. Но вместо золота получал лишь тишину и пустоту.

Это было ужасно. Света это примерно представляла в своей голове — боль, унижение, отчаяние. Но реальность оказалась хуже: она чувствовала себя куклой, которую рвут на части.

А Пего видел своими глазами, как всё летит к чертям. Как всё то, что он планировал и представлял, теперь казалось чушью. В этой реальности не было сейчас ничего из того, что он любил: ни страха в её глазах, ни мольбы, ни покорности.

И это бесило его до зубного скрежета.

Закончил Пего без какой-либо радости и веселья. Вытащил своё из Светы и, взглянув на неё с отвращением — будто на что-то грязное, испорченное, — избавился от наполненного латекса. Больше не задерживаясь, отправился в ванную.

Он шёл, и по венам бежала кипящая от злости кровь — горячая, ядовитая, будто расплавленный металл. Ворвался в душ и включил ледяную воду, которую так сильно любил принимать, когда находился на взводе. Струи били по плечам, по спине, по голове — но и то, что обычно его успокаивало, сейчас почему-то только больше и больше злило. Вода стекала по лицу, смешиваясь с потом и злостью, а он сжимал кулаки, пытаясь унять этот внутренний шторм.

Пего больше не мог смотреть в глаза этой ненормальной девушки. Да ему даже представить их было тошно. И такое он испытывал к особе впервые. Впервые его так раздражало что-то настолько сильно, что сердце билось об грудную клетку, а кровеносная система лопалась, как воздушные шары, не выдерживая давления.

Пего впервые в жизни сбежал сам — не стал смотреть на голую задницу и хохотать, как обычно. И понял только одно: Гробову ему нужно изучить лучше. Ведь попался ему не простой орешек, а крепкий, упрямый, с острыми краями.

Потому Пего сразу после душа оделся в белую рубашку и чёрный пиджак, чёрные брюки — быстро, резко, будто боялся, что она его догонит. Ему нужно было покинуть этот дом, гнать туда, где он найдёт то, что не получил от неё: покорность, страх, крики.

Пего второго раза со Светой уже совсем не хотел.

Света же улыбнулась, когда послышался хлопок входной двери — коротко, горько, но с какимто едва уловимым облегчением. А потом очень сильно заплакала с криком, когда услышала, как машина уехала. Звук мотора затихал вдали, и вместе с ним уходила последняя капля напряжения, сковывавшая её тело.

Вот так, до сих пор лёжа на чёрном диване в красном свете неона, она ревела в голос — громко, отчаянно, без стеснения. Слезы катились по щекам, смешиваясь с засохшей кровью от укусов, пальцы всё ещё сжимали горло, будто пытаясь стереть следы его пальцев.

А когда она наконец открыла глаза, то дала себе волю — выпустила боль, что сдерживала, пока её «трахал» Пегасин Дмитрий. Боль, стыд, ярость, страх — всё разом вырвалось наружу, заполняя комнату, как ядовитый газ.

Она плакала, и с каждым всхлипом чтото внутри неё ломалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.